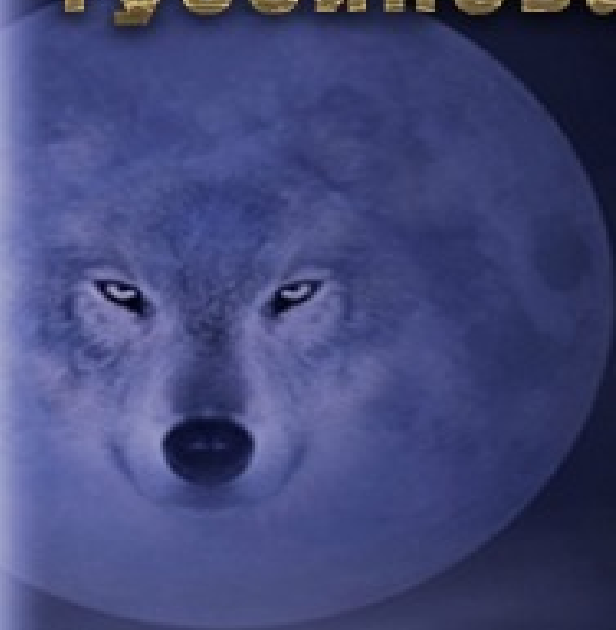

Ольга
Гусейнова

Согрей мою
душу

Annotation

Чужая душа потемки? А когда выясняется, что твоя собственная имеет два тела, на которые куча народу хочет наложить свои лапы. Ну что же, мы не трусы, мы просто быстро бегаем. Только не убегаем ли мы от своей судьбы?

— Лисовская, подъем и к генеральному, быстро.

Я резко подскочила от испуга и недовольно уставилась на начальника финансового отдела — невысокого плотного мужчину сорока лет:

— Вениамин Алексеевич, вы так до инфаркта довести можете, — я подозрительно уставилась на начфина, все еще пытаюсь успокоить грохочущее сердце, недовольно пробормотав себе под нос, — хотелось бы знать, зачем это вдруг меня, а не начальника экономического отдела вызывают, неужто в должности повесить решили? — да, что-то я последнее время сама не своя стала, нервная и злая.

— А может, Милана Игоревна, — начфин с интересом взглянул на меня и сказал, ехидно улыбаясь, — он тоже заметил вашу новую грудь.

— Ну что вы, Вениамин Алексеевич, — я аж зубами закрипела от злости, но, подавая виду, спокойно ответила: — Ничего нового во мне нет, все натуральное, свое, в отличие от некоторых, — намекая на его недавно пересаженные волосы на макушке.

— Да что вы, Миланочка, — тоже не остался он в долгу, — четыре года незаметно было, а теперь вон какая аппетитная стала, что же вы ее раньше-то скрывали?

— Да просто домкрат в машине сменила, вот теперь и не скрываю, — не обращая внимания на его гаденькую ухмылочку, добавила, — может вам фирму подсказать, а то глядишь, и вам для чего-нибудь пригодится, — я в упор посмотрела на него, намекая на амурные похождения его жены, о которых знала вся фирма, ведь она практически ни от кого их не скрывала. На его голове уже живого места не было бы от рогов, если бы они могли расти. Судя по его побледневшей застывшей физиономии, я наступила на самую болезную мозоль, впрочем, сам виноват — за последнее время достал меня основательно.

— Знаете, Лисовская, вы хоть и выглядите как моя младшая дочь, не старше пятнадцати, но язык у вас не на ваши двадцать пять, а на все сорок. Вас Жданов к себе зовет, чтобы сообщить не слишком приятную новость. Вы едете с начальством в Германию на промвыставку вместо Розовской. Она отдыхать отправляется, а вы, как всегда, за нее работать будете, — наконец-то сообщил, высказав свое последнее слово, и гордо удалился, не забыв ущипнуть многострадальный зад нашей секретарши Вики.

Ничего не поделаешь, вскочив, направилась к генеральному в кабинет, злясь больше на начфина, сообщившего новость, нежели на директора. Работаю старшим экономистом в крупной строительной компании. И хотя здесь я всего четыре года, эту должность заняла только благодаря своим исключительным способностям в области экономического планирования и прогнозирования, за что меня и ценят. Хотя когда четыре года назад я пришла устраиваться сюда на работу, меня не только не хотели брать, так еще и высмеяли. Только благодаря протекции моего отчима удалось получить здесь место. И все из-за моей внешности. Мне двадцать четыре с хвостиком, а еще недавно я выглядела лет на тринадцать, и только последние полгода со мной начали происходить изменения, которые повлияли на внешний вид. Наконец появилась попа и грудь, и теперь я выгляжу на шестнадцать. Я бы плюнула в глаз любому, кто скажет, как это здорово выглядеть так молодо. Мои родители потратили уйму времени, чтобы выяснить, почему мое физическое развитие настолько запаздывает и так не соответствует умственному. К сожалению, им это так и не удалось, врачи только разводили руками. У меня до сих пор нет месячных, и парня тоже нет, и

никогда не было. Какому нормальному молодому человеку захочется заводить отношения с девушкой, которая выглядит как девочка-подросток. Особенно это напрягало в университете. Я жила словно изгой в ловушке собственного тела, но благодаря этому, или вопреки, очень хорошо и прилежно училась. Закончила спецшколу с углубленным изучением иностранных языков, а затем МГУ. И вот мне потребовалось всего четыре года, чтобы дорасти до занимаемой должности, получить уважение и признание коллегами своих знаний и опыта.

Уже подходя к кабинету в надежде отбрыкаться от этой поездки, что поделаться — терпеть не могу большие толпы народа, вдруг почувствовала, как внутри сжалась в тугий комок пружина предчувствия, даже остановилась от удивления. Неужели эта нужда моя! Я уже перестала верить и ждать. Да я никогда и не верила, что могу почувствовать свою нужду. Ведь я недоделок! Так часто смеялся мой брат Кирилл. Как только его имя всплыло в голове, за ним последовал образ мамы и Виктора, и сердце затопила новая, никак не проходящая боль от воспоминаний. Прошло три года, а легче не становится.

Отец как в воду канул, когда мне не исполнилось и года. Вообще, его пропажа так и осталась загадкой для моей матери, но она почему-то была твердо уверена, что нет такой причины, по которой он не мог вернуться домой, если бы был жив. Они не состояли в официальном браке, но мама вспоминала о нем как о муже, и для нее отец навсегда остался самым лучшим мужчиной на свете. После его внезапного, необъяснимого исчезновения она тщетно прождала восемь лет, а потом познакомилась с Виктором Лисовским, и тот взял ее штурмом, уже через пару недель уговорив выйти за него замуж. Причем, с Виктором нам повезло: он оказался дипломатом, и наша жизнь потекла плавно и размеренно. Он ни в чем нам не отказывал, все время баловал и любил всеми фибрами своей широкой души. Так что мне достался самый лучший папа, а маме — самый лучший муж на свете. Мы объездили полмира, общались со многими людьми, наш дом напоминал проходную из-за количества гостей. Но все когда-нибудь меняется, и мой мир изменился тоже в тот день, когда разбился самолет, на котором из Италии возвращались мои отчим, мама и младший брат Кирилл.

Уже три года я живу в огромной и такой пустой квартире одна. Никому ненужная ущербная женщина-подросток. Благодаря высокооплачиваемой работе я получаю много денег, но они не делают меня счастливой, ведь их практически некуда и не на кого тратить. У меня со студенчества осталась пара подруг, но и они уже обзавелись семьями и детьми, и мне почти не о чем с ними беседовать, да и не хочется, потому что завидно.

Недоверчиво вслушивалась в свои ощущения. Неужели на этот раз это все относится ко мне лично? Первой на мою необычную интуицию обратила внимание мама, потом — девочки в школе, но особенно ярко она проявилась в университете. Я так и не смогла точно определить границы, но всегда чувствовала, когда и кому нужно что-то сделать или куда-то пойти, чтобы удовлетворить свою нужду в чем-то или ком-то. Особенно это касалось отношений между людьми. Очень скоро в университете меня начали звать свахой. Я стопроцентно определяла двух подходящих, а главное нуждающихся друг в друге. И вот сейчас, стоя у дверей приемной нашего директора, прислушивалась к себе, а приняв для себя окончательное решение, решительно открыла дверь.

Глава 2

Пытаясь не встречаться ни с кем глазами, я быстро шла к лифту отеля, в котором мы остановились, и где сейчас проходила очень важная для нашей компании конференция. Я очень устала от сегодняшнего дня и, вообще, от всей трехдневной поездки в Берлин, лично мне принесшей лишь головную боль и разочарование. Вестибюль отеля, где проходила конференция, поражал не только размерами, но и количеством народа, прибывшего сюда как и мы послушать других, рассказать о себе и получить возможность заключить выгодные контракты или партнерские союзы. Даже на то, чтобы просто погулять по городу времени не оставалось, да что там говорить — спать было некогда.

Я стояла возле лифта и ждала своей очереди, чтобы, наконец, подняться на четвертый этаж в занимаемый номер. Усталость накатила новой волной, заставив ссутулиться спину и увеличив пульсацию боли в голове. Никак не могла поверить, что в самый последний момент все-таки поехала в составе делегации, причем согласилась добровольно, без уговоров со стороны директора. Можно сказать, сама напросилась. И зачем? Я чувствовала свою нужду, и от этого ноющая боль поселилась в груди, заставляя нервничать и потирать вспотевшие ладони. Как все надоело: эти разряженные женщины в поисках кошелька потолка, мужчины, пытающиеся казаться всемогущими пупами земли, и все их одним им ведомые загадочные игры. Третий день неотлучно находясь рядом со своими руководителями, начала потихоньку тупеть от непрерывной суеты. Наша строительная компания искала здесь новых инвесторов, а возможно и крупных клиентов. Я три дня все просчитывала, консультировала, от усталости и недосыпания уже плохо соображала, но наконец, все закончилось, и завтра с утра могу вернуться домой в Москву. В мыслях я уже собирала чемодан, как неожиданно прямо перед моим носом открылись двери лифта, из него вышли трое мужчин и направились к выходу из отеля. Люди перед ними расступались, словно льды перед ледоколом, но они, не обращая ни на кого внимания, темной машиной плавно двигались к своей цели. Так как стояла прямо у дверей лифта, меня буквально затолкали в него, и я смогла только из-за спин наблюдать за интересной троицей. За пару секунд до закрытия дверей заметила, как самый высокий и мощный из темного трио резко обернулся и, замерев на долю секунды, кинулся обратно к лифту. Я толком не смогла рассмотреть их лица, потому что мне все время мешали чужие спины, а он не успел заскочить в лифт, двери которого закрылись. Лифт мягко двинулся вверх. Мне повезло — четвертый этаж оказался первой остановкой. Уже закрывая дверь своего номера, услышала, как по лестнице кто-то пробежал наверх, но через секунду с лестничной площадки, не заметив меня, по коридору к лифту направился один из троих. Высокий смуглолицый брюнет, скорее всего француз, и если бы не жуткое хищное выражение лица, его можно было бы назвать красивым. Аккуратно прикрыв дверь, чтобы не было обнаружено мое любопытство, наконец, очутилась в одиночестве. Тишина и покой! Но тут мои, вдруг ставшие чуткими, ушки услышали тихий шорох возле двери. Затаив дыхание, осторожно отступила от нее на пару шагов. Неожиданно почувствовала, как во мне взорвалась моя нужда, словно тысячами осколков впиваясь во внутренности, но если это он, почему я ничего не чувствовала, когда смотрела на него в коридоре и возле лифта? Находившийся по ту сторону вызывал только страх, даже больше того — ужас! Нет! Я не хочу! Услышав удаляющиеся от двери шаги, облегченно вздохнула и кинулась собирать вещи. Не останусь в

этом отеле ни секунды лишней, в конце концов, можно и в аэропорту переждать эту ночь.
До утра всего ничего осталось.

Глава 3

Москва встретила привычной суетой аэропорта и приятным ощущением дома. Было такое чувство, словно я оторвалась от погони, избежав какой-то опасности. На работу я, конечно в этот день не пошла, предпочтя наконец-то выспаться, пробежаться до ближайшего супермаркета и со вкусом посидеть в кресле перед телевизором. На следующий день странный случай в гостинице показался мне совсем незначительным. Да мало ли зачем бегали по коридорам те мужчины, да и вообще на секьюрити слишком похожи, работа у них такая, а я себя как обычно накрутила от усталости и недосыпа.

— Ой, Милана, как я рада тебя видеть! — искренне порадовалась мне на следующий день Вика, которой я не забыла купить подарок в дьюти-фри, и посочувствовала: — Укатали тебя наши боссы, наверное, вон какая худенькая бледненькая, я тебе сейчас кофе с печенюшками организую, а ты мне расскажешь, что интересного видела, кого встретила.

Секретарша Виктория моложе меня на два года, но относится ко мне как к младшей сестре, а не к малолетней пигалице-выскочке, как большинство сотрудников офиса.

— Вика, рассказывать особенно нечего, три беспросветных дня, работы было столько, что еле до кровати доползала, а когда все наконец-то закончилось, даже на фуршет не осталась, быстренько побросала вещи в сумку и рванула в аэропорт.

— Вот и славно, — возле нас визуализировался начфин с папкой, которую тут же вручил мне с ехидной усмешкой, — предлагаю отдохнуть с расчетами по этому объекту.

Вика за спиной гордо удалившегося Вениамина Алексеевича выразительно закатила глаза, а я, притворно вздохнув, чтобы он порадовался своей шутке, отправилась работать.

Тупо пялясь в монитор, не могла понять, что же случилось. Уже месяц как вернулась из Берлина, и со мной начали происходить странные вещи. Я начала видеть эротические сны и, просыпаясь, весь день ходила неудовлетворенная, чтобы с приходом ночи опять видеть смущающие меня сны, которые не приносили облегчения и покоя. Ничего конкретного, какие-то смутные образы, словно кто-то отчаянно зовет. А так как пожаловаться некому, я со свойственным мне прагматизмом и математическим расчетом читала соответствующую литературу, тем более, самое интересное происходило с моим телом. Через два месяца мне должно исполниться двадцать пять лет, но никто не дает и шестнадцати. Поэтому приходится все время носить с собой паспорт, подтверждая, что я уже большая девочка и имею право водить машину, покупать имущество, ходить в ночные клубы, пить алкоголь. Хотя последнее не входит в список моих пристрастий. Да и в клубы практически не хожу, особенно после того, как в последний раз в одном из них на меня запал педофил. С трудом отбилась. Но зато как эту скотину отметелила охрана!!! Любо-дорого смотреть было.

Каждый день в зеркале вижу свое отражение: невысокая хрупкая девочка с черными, гладкими, струящимися волосами до талии, длинноногая. Но теперь я неуловимо менялась. Тело нескладного подростка с малюсенькой грудью и чистой, молочного цвета кожей стало больше походить на фигуру юной девушки. На тонком лице с высокими скулами выделялись большие серые глаза, черные дугообразные брови, тонкий аристократичный нос и пухлые розовые губы. До сих пор со мной пытались знакомиться пацаны, а не мужчины. Хотя и желания как такового я не испытывала, гормоны мои все еще спали, и месячных у меня до сих пор не было. Вот такая фригидная и инфантильная проза жизни.

И вот спустя столько лет ожиданий у меня начались первые критические дни. Я с таким диким восторгом выбирала себе прокладки, что продавщица в магазине заподозрила меня в невменяемости. Но ей не понять, что эти прокладки для меня означают. Я как все! Наконец стала взрослой, и мое тело это осознало. И вот теперь снятся эти сны и мучают меня, да и в офисе явно заметили происходящие со мной стремительные изменения, добавляя переглядываниями и перешептываниями душевного дискомфорта. Услышав очередной треп 'ты смотри, как изменилась наша серая мышка', с подачи добросердечной Вики приняла решение. За все четыре года работы я ни разу не брала отпуск, так что настало время отдохнуть и принять жизненно важные решения. Ну что ж, Французская Полинезия — самое интересное место для меня на данный момент жизни.

Глава 4

Комфортно устроившись в шезлонге на берегу, сквозь очки лениво наблюдала за другими отдыхающими. Я прилетела сегодня ночью и сейчас, потягивая фруктовый сок, не могла заставить себя встать и пойти хотя бы искупаться. Меня хватало лишь на то, чтобы лежать, наслаждаясь запахом океана, вслушиваясь в окружающие звуки и просто со стороны наблюдать за жизнью людей, которым нет до меня никакого дела. Поправив купальник на груди еще раз, сделала себе заметку пойти и купить новый, потому что этот еле-еле прикрывал мою выросшую до второго размера грудь. Почувствовав на себе взгляд, огляделась и увидела, как на меня пристально смотрит молодая красивая женщина с соседнего шезлонга, наблюдая за отчаянными попытками справиться с лифчиком. Увидев, что я заметила ее интерес, она по-доброму улыбнулась и поздоровалась со мной на английском:

— Привет! Ты, наверное, только приехала, потому что я здесь два дня, но тебя еще не видела.

Благодаря стараниям моего отчима и преподавателей в школе и университете, английский я знала в совершенстве, также как и французский. Поэтому сразу определила, что девушка, скорее всего, англичанка.

— Привет, я прилетела ночью.

— Я смотрю, ты давно на море не была. Знаешь, недалеко от отеля есть хороший бутик с пляжной одеждой. Извини, я не слишком навязчива? — вопросительно, но по-прежнему располагаясь улыбаясь, посмотрела, ожидая моей реакции. Я немного смутилась, но вспомнив о своем решении начать новую жизнь и перестать прятаться от людей, улыбнулась ей в ответ, поощряя знакомство. В конце концов, я здесь совершенно одна и чувствую, что скоро взвою от скуки. Еще раз внимательно ее рассмотрела и решила, что такая милая и очаровательная шатенка с короткой стрижкой каре и шоколадными добрыми глазами вряд ли может мне навредить.

— На море я действительно давно не была, да к тому же, судя по всему, из своего купальника уже выросла, причем самым неожиданным образом, — снова взглянув в ее понимающие глаза, смутилась, — и спасибо за совет, наверное, стоит сходить туда сейчас, чтобы не опозориться.

Она взглянула на меня чуть пристальнее и мягко сказала:

— Не расстраивайся, так сейчас многие ходят, просто я заметила, что это смущает конкретно тебя. Знаешь, я тут отдыхаю с семьей, и мне откровенно скучно и нечем заняться. Если ты не против, я с удовольствием схожу вместе с тобой в магазин, может, и себе что присмотрю.

Я обрадовалась этому предложению и с готовностью поднялась, надевая легкое платье поверх купальника. Вдвоем мы направились к выходу из отеля.

— Кстати, я Изабель Макгрант, и здесь отдыхаю с мужем Коннором и кузеном Николасом Макгрантом. — представилась незнакомка, пояснив, — мы принадлежим к одному шотландскому клану, который возглавляет отец Коннора.

— Милана Лисовская. Из Москвы.

Я с восторгом смотрела на представительницу старинного шотландского рода и не

могла поверить, что сейчас иду и вот так запросто беседую с шотландской аристократкой. По дороге и в магазине, где я купила себе пару новых купальников, кучу парео и пляжной обуви, да и еще много всякой всячины, мы с удовольствием болтали. В итоге у нас оказались заняты обе руки. Моя душа вопила от радости и удовольствия. Однозначно, день сегодня начался просто прекрасно.

Вдвоем с Изабель разнесли вещи по номерам, попутно выяснив, кто где живет, и снова отправились к морю уже в обновках. Моя апатия сбежала, оставив после себя кучу энергии и желание чем-то заняться. Поэтому, недолго думая, приняла предложение Изабель поплавать. Я наслаждалась каждой секундой купания, как же давно это было. Вспомнив, как четыре года назад мы с братом, мамой и отчимом также ездили отдыхать на море, почувствовала, как к глазам подступили слезы, поэтому, нырнув с головой, поплыла к буйкам. Вынырнув, увидела, что рядом со мной плывет Изабель и напряженно смотрит на меня.

— Милана, с тобой все в порядке?

Улыбнулась и, доплыв до буйка и ухватившись за него руками, рассказала, что меня сейчас расстроило:

— Вспомнила, как четыре года назад отдыхала на море со своей семьей. Тогда было так хорошо и весело. Мы с братом дурачились и баловались на равных. Представляешь, он на десять лет младше меня, а выглядели мы одинаково. Нас все принимали за погодок. Десятилетний мальчишка и двадцатилетняя девушка, а смотрелись ровесниками. А три года назад они погибли в авиакатастрофе. И я осталась одна.

Изабель сочувственно прикоснулась к моей руке, но все-таки спросила заинтересованно:

— А в какой клан входит твоя семья?

— Нет, Изабель, — я непонимающе уставилась на нее, а потом рассмеялась, — в России нет кланов как в Шотландии. Да если бы и были то... Понимаешь, мы с Кириллом родные только по матери, а отцы у нас разные. Хотя лучшего папы, чем Виктор я не смогла бы найти во всем мире. Он был самым хорошим человеком в мире. А родной отец исчез, когда мне не было еще и года. Но мама сказала, что его нет в живых, раз не вернулся домой. Почему-то она в это свято верила. Но я его не помню и не знаю где его семья и была ли она у него. Меня воспитывал Виктор, и его я считаю отцом.

Она снова очень пристально посмотрела на меня, а потом осторожно спросила:

— Значит, он хороший Человек?

Я удивленно посмотрела на нее, не понимая, почему она так странно выделила последнее слово, и пояснила:

— Ну да! Я, конечно, понимаю, что таких хороших людей встречаешь нечасто, но все же нам с мамой повезло, и она нашла одного из них. Ничего удивительного, ведь мама тоже необыкновенная, и я очень рада, что ей улыбнулось счастье встретить достойного мужчину. Она и так папу восемь лет ждала. Бабушка с дедушкой хоть на старости лет на второго внука порадоваться смогли. Правда, недолго: десять лет назад один за другим умерли.

— Скажи, Милана, а как давно ты начала взрослеть, если в двадцать выглядела на десять? — она как-то странно смотрела на меня.

Осознав насколько я разоткровенничалась, почувствовала стыд и смущение. Оттолкнувшись от буйка, быстро поплыла к берегу. Изабель держалась рядом, но, проплыв несколько метров, сказала:

— Прости меня, не хотела обижать и смущать, просто ты очень интересна мне, и с

тобой легко. Наверное, я слегка забылась, — потом, повернув ко мне мокрое от воды лицо, смешно сморщила его в просительной гримаске: — Не обижайся, пожалуйста.

Я облегченно рассмеялась и решила все-таки ответить на ее вопрос:

— Ничего, все это расстраивало раньше. А теперь, за последние полгода, все изменилась, и мои гормоны, наконец, проснулись. И даже... — потом опять поняла, что рассказываю слишком интимные вещи практически постороннему человеку, и решила закончить, перейдя на более безопасную тему: — Что-то я уже устала. Плыть и говорить тяжело. И вообще, есть очень хочется. Может, сходим пообедаем вместе, а?

Она облегченно вздохнула и с радостной улыбкой кивнула, при этом чуть не хлебнув морской воды. Выходя на берег, я увидела, что возле наших лежаков стоят двое здоровых мускулистых мужчин и пристально наблюдают за нами. Я испугалась, даже не знаю почему, но показалось, что от этих мужчин исходит серьезная опасность. И заметила, что даже окружающие люди, особенно мужчины, ведут себя таким образом, чтобы не привлекать внимания этих двух. Отметив мое замешательство, Изабель взяла за руку и потащила к ним. Подойдя ближе, я рассмотрела их более внимательно. Оба мужчины высокие, крупные, с хорошо развитой мускулатурой. Один из них, шатен с карими глазами, в которых благодаря солнцу плескались золотистые искры, тонкими губами и квадратным упрямым подбородком, в общем, довольно приятной наружности, с нежностью смотрел на Изабель, но с явным любопытством рассматривал и меня. Второй — ниже первого на полголовы, золотистый блондин с изумрудными глазами, пухлыми губами, которые так и просят поцелуя, рождая в голове грешные мысли, приковал мой взгляд к своей персоне на несколько секунд дольше, нежели это было прилично. Их обоих можно было бы назвать красавчиками, если бы не цепкий изучающий взгляд, которым они смотрели на мир, и не ярко выраженная аура силы, опасности и тревоги, которую каждый из них излучал в разной мере. Шатен тревожил меня больше блондина, но от этого блондин не выглядел менее опасным. Такое чувство я испытывала только один раз, в детстве, когда прямо на пути встал здоровый дог с меня ростом. Дог просто стоял и, явно принохаясь, казалось, оценивал меня как противника. А я в душе умирала от страха, не отрываясь глядя ему в глаза. В какой-то момент он отвел свой взгляд и, тряхнув лобастой головой, потрусил мимо. А я еще долго стояла, не в силах сделать ни одного движения, словно одеревенело все тело. Вот и сейчас чувствовала, что меня прощупывают и оценивают двое лишь внешне разных мужчин, излучающих столь знакомую опасность. Нашу молчанку с переглядыванием прервала Изабель, которая, ободряюще положив мне руку на спину, подтолкнула вперед и начала нас знакомить:

— Привет! Мальчики, знакомьтесь, это Милана Лисовская, она из России, здесь отдыхает одна, и, можете себе представить, у нее нет Клана! Я думаю, все согласны принять ее в нашу маленькую компанию? — встав рядом со мной, она выразительно посмотрела на своих спутников, которые еще более пристально стали изучать меня от чего я почему-то начала нервничать еще больше.

Я почувствовала, что уже не рада этому знакомству, и начала понемногу отодвигаться от Изабель. В этот момент блондин продемонстрировал такую потрясающую улыбку, от которой у меня чуть не подкосились ноги. А шатен, подойдя ближе и почему-то широко раздувая ноздри, глухо пророкотал, протягивая свою огромную ладонь для рукопожатия:

— Коннор Макгрант, муж прекрасной Изабель, а этот красавчик — мой кузен, и его зовут Николас Макгрант. И мы необыкновенно счастливы составить очаровательной леди

компанию, — улыбаясь и демонстрируя белоснежный крепкий набор зубов, он легко пожал мою руку и аккуратно отпустил, поразив осторожностью, с которой он прикоснулся к ней, как будто тщательно дозировал свою силу.

— Николас, — его кузен также осторожно взял мою руку, но не торопился отпускать ее и, поднеся к лицу, мягко коснулся губами запястья.

Я быстро убрала руку, спрятав ее за спиной, и покраснела в смущении. Все трое уставились на меня, причем если Ник смотрел с лукавой улыбкой, то Изабель и Коннор — с понимающей и теплой отеческой заботой. Странно видеть это на лицах молодых людей, такие взгляды должны быть у очень солидных, много повидавших людей. От размышлений отвлек возмущенный длительной голодовкой рев моего желудка, от которого даже, наверное, уши покраснели, зато Коннор и Николас поторопились отвести нас на обед.

В ресторане сидело не так много народу, поэтому мы смогли удобно расположиться на веранде с прекрасным видом на океан. Сделав заказ, они пару минут рассматривали меня изучающим взглядом. Создалось ощущение, что меня потрошат словно старый чемодан, вытаскивая наружу и раскладывая все нужное и ненужное по полочкам. Снова стало неловко. Николас, чуть нагнувшись ко мне, игриво, но достаточно твердо заметил:

— Сложно поверить, что такая очаровательная девушка приехала отдыхать одна, да еще в такую даль. Я бы ни при каких обстоятельствах не отпустил свою женщину одну, куда бы то ни было. О чем только думают мужчины твоей семьи!

— Все мужчины моей семьи лежат на кладбище и, к сожалению, ни о чем думать, больше никогда не смогут. — я грустно улыбнулась, но решила уточнить, подумав что они не в курсе моего возраста, — теперь обо мне — я достаточно взрослая, чтобы самостоятельно путешествовать, через два месяца двадцать пять исполнится, и вряд ли найдется хоть один человек, который сможет заставить что-то делать или указывать как жить против моей воли.

Николас странно ухмыльнулся, обменявшись взглядом с Коннором, а Изабель рассмеялась:

— Ты права, Милана, ЧЕЛОВЕК не сможет. Но в жизни все случается, и иногда так неожиданно и непредсказуемо меняется, что стоит задуматься, а так ли незыблемы наши утверждения.

Я недоуменно уставилась на нее, не понимая, о чем она меня сейчас предупреждает или на что намекает. И вообще, разговор начал раздражать. Такое ощущение, что я подопытный объект, который либо изучают, либо проверяют на прочность. Поэтому замолчала и, отвернувшись к океану, решила как ни в чем не бывало пообедать, а потом прекратить это знакомство. Неожиданно в разговор вступил Коннор, пророкотав мне на ухо:

— Скажите, Милана, кто глава твоего клана?

— Я не понимаю, Коннор. — повернулась и немного сухо, тщательно скрывая раздражение, пояснила, — я уже говорила Изабель, что в России нет кланов. Более того, моя семья погибла три года назад. Никаких родственников, а уж тем более клана у меня нет! Вы не находите, что столь пристальный интерес к моей персоне и к моей семье выглядит, мягко говоря, странным. Извините, но мне неприятен этот разговор, и я потеряла аппетит.

Я резко встала, намереваясь уйти. Но в этот момент все трое Макгрантов тоже встали. Судя по выражению сожаления на лицах, они поняли, что перегнули палку.

— Я прошу прощения, Милана, за наше некорректное поведение. Мы не хотели обижать и расстраивать тебя, потом ты поймешь причину любопытства и недоверия. Мы бы с удовольствием продолжили общение, и если тебе не понравятся какие-либо наши вопросы

или действия, осаживай нас, мы будем не в обиде. Просто привыкли к другому образу жизни и отвыкли от людей. Поэтому иногда шокируем их своей настойчивостью и дотошностью. — Изабель взяла меня за руку и говорила тихо, с извиняющимися нотками в голосе.

Николас приблизился практически вплотную и, забрав мою руку у Изабель, снова поцеловал внутреннюю часть запястья, от чего по руке тут же побежали мурашки, напомнив, что буквально пару недель назад я стала физически взрослой, и гормоны уже проснулись. Я подняла голову и заглянула в самые зеленые глаза, которые я когда-либо видела, и самые чарующие, потому что утонула в этой зелени. Наклонившись к моему уху, он прошептал, обдав горячим дыханием и вызвав уже топот мурашек по всему телу:

— Малышка, если дашь мне шанс, то у тебя появится мужчина, который будет заботиться о тебе. Всю жизнь!

Я слегка впала в ступор, а потом рассмеялась, решив принять извинения и разрядить ситуацию, уж больно виноватой выглядела вся компания:

— Ой, Николас, зря ты так шутишь, вдруг кто-нибудь возьмет да и согласится, причем сразу, не раздумывая. И тогда наступит конец твоей беззаботной холостяцкой жизни. — отстранившись, опять заняла свое место, давая понять, что инцидент исчерпан.

Николас отпустил мою руку и присел на свой стул, а потом ответил:

— Я, знаете ли, Милана, уже в полной мере наслаждался своей холостяцкой жизнью, а теперь все никак не могу ее изменить и найти подругу жизни. Вот и ты отказалась от такого подарка как я.

Я скорее почувствовала, чем услышала за его, казалось бы, легким ответом сквозняк грусти и тоски. Странно, такой привлекательный, даже неотразимый в своей мужской красоте и мощи, но страдающий от одиночества. Во мне слегка зашевелилась его нужда. Но, к сожалению, не относящаяся ко мне. Внимательнее присмотрелась к нему, но решила не открывать своих маленьких и таких странных секретов. Возможно, они не смогут понять моих паранормальных способностей. Мы просидели еще пару часов, болтая ни о чем и все чаще улыбаясь друг другу, или смеясь над забавными случаями из жизни кого-либо из нас. Уже давно поели, но продолжали разговаривать, и я уже забыла, как в первые минуты знакомства пыталась отделаться от них, испытывая необъяснимое чувство опасности. Николас, взяв меня за руку и поглаживая ее большим пальцем, спросил:

— Милана, ты не хотела бы присоединиться к нам за ужином, у меня для всех вас есть сюрприз.

Мы втроем заинтересованно посмотрели на него. А он с видом партизана на допросе молчал, ожидая моего ответа.

— С удовольствием с вами поужинаю. Этот обед был настолько веселым и чудесным, что я очень благодарна вам за компанию. Я прилетела сегодня ночью, поэтому сейчас хотела бы немного отдохнуть, когда вы соберетесь на ужин, позвоните в сто двадцать пятый номер, если не передумаете, — встав из-за стола и попрощавшись, направилась к себе.

Снова сон: меня кто-то ждет, зовет, тоскуя обо мне. А меня нет рядом, а ведь должна быть, просто обязана, но ведь я не знаю, кто, где и почему. И опять боль в груди от одиночества и грусти, и крик, от которого я снова просыпаюсь с чувством огромной потери. Что со мной происходит? К чему эти сны, которые перемежаются с эротическими видениями, от которых я просыпаюсь вся в горячке и поту. Мне страшно и одиноко. От этой мысли в голове всплывает лицо Николаса. Красивый, харизматичный, черт возьми, но ведь почувствовала, а потому знаю, что не мой. Его кто-то уже ждет и уже начал в нем нуждаться.

Но может хоть раз подумать о себе и хотя бы ненадолго забыться и представить, что, наконец, не одинока и нужна кому-то тоже?

Я впервые танцевала с мужчиной медленный танец, чувствуя его всем телом, каждой клеточкой, вибрируя от восторга и радости. Мой первый танец! И с таким великолепным партнером. С ума сойти можно от счастья. Мы кружились в вальсе, танцевали под современную музыку и все время были вместе. Я чувствовала его неподдельный интерес ко мне, его восхищение мной, его желание ко мне. И эти чувства будоражили кровь, заставляя забыть обо всем. После очередного медленного танца он попытался поцеловать меня, но испугавшись, что вот прямо здесь и сейчас он поймет, что я не умею, никогда не целовалась, и все очарование этого вечера пропадет, рассеется словно туман. Слегка отстранившись, я поспешила к нашим спутникам и бокалу с водой. Николас подошел вслед и присел рядом, положив руку на спинку моего стула, словно давая всем знать, что я его собственность. От этих мыслей затрепетала и покраснела, украдкой наблюдая за ним. Заметив, с каким интересом за мной наблюдают Изабель с Коннором, стала похожа на помидор. Изабель, к счастью, избавила меня от неловкости:

— Ну что, давай уже рассказывай, Ник, что там у тебя за сюрприз?

Николас задумчиво обвел нас взглядом, при этом словно ненароком поглаживая пальцами мой затылок, посылая невероятно приятную волну тепла вдоль позвоночника, а потом вкрадчиво ответил:

— При отеле есть яхт-клуб, и я на несколько дней арендовал яхту для прогулки по океану. Ну что, хороший сюрприз?

Изабель вскрикнула от восторга и кинулась обнимать Ника, в этот момент громко и странно рыкнул Коннор, и Изабель в ту же секунду оказалась у него на коленях, продолжая радостно смеяться, при этом ероша волосы своего мужа. Ник, добродушно ухмыляясь при виде этой сцены, повернулся ко мне и, приблизив свое лицо к моему, хрипло спросил:

— Ну что, малышка, согласна поехать с нами? Не бойся, я очень хорошо хожу под парусом, и ты будешь в полной безопасности с нами.

Я неуверенно посмотрела на него, потом на Изабель и Коннора, заинтересованно ожидавших моего ответа, но решила на откровенность:

— Николас, я не маленькая и понимаю, чего ты хочешь, но не готова тебе это дать, по крайней мере, сейчас или на яхте. Я бы с удовольствием согласилась, если бы не это обстоятельство и еще, если вы хотите взять меня с собой, я оплачу половину стоимости, которую ты внес за аренду яхты.

Я заметила, что с каждым моим словом его лицо все больше темнеет.

— Милана, ты не понимаешь... — Ник поднял руку, заставив молчать хотевшего было что-то сказать Коннора, и продолжил сам: — Солнышко мое, пока мы рядом, никто тебя без твоего согласия и пальцем не тронет, особенно я. Если ты не против, я буду только ухаживать за тобой, не настаивая на том, чего бы тебе не хотелось. А насчет денег, то больше никогда не смей так обижать нас с Коннором. Мы все-таки мужчины, и платить — это наша привилегия и обязанность. Не бойся, маленькая, никто тебя не обидит, поплыли с нами.

Его ласковый глубокий голос успокоил и вернул уверенность в себе. Не знаю почему, но посмотрев ему в лицо и заметив тревогу в ожидании моего ответа, мягко коснулась ладонью его щеки, восхитительно шершавой от щетины:

— Спасибо за приглашение, Ник, я с удовольствием поеду с вами.

Лежа в шезлонге на палубе небольшой яхты, с удовольствием наблюдала, за Ником и Коннором, упорно пытавшихся сбросить протестующую Изабель за борт. Она с хохотом и визгом сопротивлялась, мужчины смеялись, я не выдержала и, тихонько подкравшись сзади, толкнула обоих в спину, но в итоге, не удержавшись, мы все дружно свалились в воду. Всплыв на поверхность, услышала дружный смех и фыркание остальных и сама засмеялась. Ник подплыл ко мне и начал кружить вокруг. Я не переставала удивляться выносливости и силе, с которой они с Коннором могли преодолевать большие расстояния, или скорости их заплывов.

Мы находились в море уже вторые сутки, заходя на маленькие острова и атоллы, окруженные лагунами — сверкающими бирюзовыми опалами, а лагуны — маленькими островками-моту. Я с восторгом ходила по белым песчаным пляжам, необыкновенно мягким, прямо-таки ласкавшим ступни, и запрокинув голову, любовалась кронами огромных деревьев, дарившими освежающую тень и прохладу в солнечный зной. Делали небольшие остановки и продолжали плыть дальше. И вот, в очередной раз решив сделать остановку в океане и поплавать, теперь барахтались в воде как маленькие. Но до чего было здорово и весело в этой маленькой и дружной компании.

За это время мои новые знакомые не стеснялись проявлять чувства, особенно Коннор с Изабель, которые все время находились вместе и, не переставая, прикасались друг к другу, как будто не виделись многие месяцы. Они много рассказывали о стране, где жили и, недолго думая, предложили мне погостить у них. А Ник вообще предложил переехать к ним, над чем я, улыбнувшись, пообещала подумать. Оказалось, что у такой молодой пары уже есть двое детей, которые сейчас находятся под присмотром дедушки и всего клана. Родители Изабель и Ника погибли, когда они были совсем юными, также как и мать Коннора, что меня потрясло и окончательно сблизило с ними. Причем на все вопросы, как это произошло, получила весьма странный ответ: "Во всем виноваты люди, они уничтожают все, что им непонятно или чего они боятся". Я поняла, насколько эта тема их напрягает, и перевела разговор в другое русло. Но все равно время от времени замечала, как кто-нибудь из них смотрит на меня озадаченным или оценивающим взглядом.

Легко пообедав и повалявшись в шезлонгах, решили плыть дальше, как только Коннор с Ником сделают последний заплыв. Когда они отплыли уже на приличное расстояние, мы с Изабель заметили стремительно несущиеся к нам две большие моторные лодки. В груди тревожно забило сердце, а в голове вдруг всплыла мысль о том, каким образом в этих водах могли завестись пираты? Когда до нас осталась пара сотен метров, на борт стремительно поднялись наши мужчины и, кивнув Изабель, приготовились к неприятной встрече.

Изабель взяла меня за руку и потащила в каюту. Оглянувшись, я заметила, что в подплывающих к нам лодках сидят темнокожие полуголые пираты, вооруженные огнестрельным и холодным оружием. Они весьма недружелюбно взирали на нас. Стало холодно, даже при жаре в сорок градусов меня пробрал мороз от возможного недалекого будущего в руках этих людей.

Мы едва успели спуститься в каюту, как я сначала услышала, а потом и почувствовала, как качается яхта под телами взбирающихся на нее людей. Затем сначала раздался

угрожающий рев какого-то животного, перекрываемый звуком автоматных очередей, а потом раздался дикий нечеловеческий многоголосый крик умирающих в страшных муках людей. Мое сердце чуть не укатилось в длительный отпуск в пятки, а мозги взяли продолжительный отгул, поэтому я так и замерла с открытым ртом в попытке закричать и, вцепившись в ручку двери, пыталась заставить себя выйти, чтобы хоть чем-нибудь помочь нашим мужчинам.

Я закрыла рот и молча тряслась от страха, ожидая, что следующий подобный предсмертный вопль будет нашим, но оглянувшись на Изабель, увидела, что та спокойно стоит рядом, и, кажется, только выглядит так, будто прислушивается к тому, что происходит на палубе, а на самом деле все знает и понимает. Но самое странное, что ее это совсем не пугало, она только досадливо морщилась. У меня совсем потемнело в голове от ее раздраженных гримасок, ведь там убивают ее мужа. Больше не раздумывая, я выскочила за дверь и кинулась вверх на палубу, изумленно застыв в дверях. От представшей картины поплыло в глазах. И было отчего! Коннор и Ник — голые и перемазанные в крови — выкидывали тело пирата за борт. И оно явно не было первым. Посмотрев по сторонам, обнаружила недалеко от себя труп одного из них с развороченным горлом и практически оторванной рукой, до сих пор сжимавшей автомат Калашникова, и, опустив голову вниз, чтобы притупить тошноту и головокружение, увидела, что стою голыми ступнями в большой луже крови. Большого перенести я не смогла, уже отключаясь, почувствовала, как меня подхватили на руки, и наконец, благословенное забытие накрыло полностью.

Очнулась резко, словно меня окатили холодной водой, и несколько минут не могла прийти в себя, пытаюсь осмыслить то, чему оказалась свидетелем — жуткую кровавую расправу. Получалось плохо. Открыв глаза, поняла, что лежу в каюте одна, уже хорошо — хоть капля времени есть на обдумывание своих дальнейших действий. Да, все-таки моя новая жизнь как-то не совсем правильно начинается. Мысли вихрем крутились в голове, но никак не могли выстроиться в более-менее четкую логическую цепочку. Пиратов было больше десяти, насколько я успела заметить, все они были вооружены. И тот труп, возле которого я стояла, выглядел так, будто его разорвало животное. Причем довольно крупное и с большими зубами. Так что же там произошло за те несколько минут, пока мы с Изабель находились в каюте?

Как двум голым мужчинам удалось справиться с таким количеством хорошо вооруженных пиратов, причем готовых к нападению и ведущих не совсем спокойный образ жизни, дающий большой опыт выживания в тяжелых и опасных ситуациях? Мне было их не жаль, причем совсем: мы их к себе не звали, уверена, что они к нам не холодный чай попить заглянули. Пугало дальнейшее развитие событий, где я — ненужный свидетель убийства, причем массового, пусть они были преступниками, и произошедшее было в целях самообороны, но ведь это преступление! И я не член их клана!

Меня от страха, не смотря на духоту, прошиб холодный липкий пот, противный запах которого достиг носа, заставив поморщиться от отвращения. Странно, у меня уже обонятельные галлюцинации на фоне стресса. В голове бился вопрос. Что же делать? Что же делать? А ответ все задерживался на полдороге. Сначала почувствовала тяжелый мускусный мужской запах, от которого на моем теле встали дыбом все волоски в предчувствии опасности, а в следующую секунду в каюту втиснулись Ник и Коннор, одетые только в длинные шорты, а в дверях нерешительно застыла Изабель.

В груди напряглась скрученная пружина тревожного ожидания, но я, замерев и

практически не дыша, во все глаза смотрела на них, забившись в уголок на кровати. Ну что ж, двум смертям не бывать, а одну можно попытаться отодвинуть. Главное, не задавать глупых вопросов. Как-нибудь сама разберусь без подсказок. Я надеюсь! Ник присел на краешек кровати и, не делая резких движений, тихо заговорил, как с ребенком:

— Детка, ты же понимаешь, что они бы нас скорее всего убили? Если не всех, то кого-нибудь обязательно.

— Да. — согласно слегка кивнув головой, выдохнула я.

— Нам пришлось сделать это, чтобы защитить наши жизни. Ведь я обещал тебе, что пока ты с нами — будешь в полной безопасности, и мы никому не позволим причинить даже малейший вред нашим женщинам.

От угрозы, прозвучавшей в его голосе, у меня снова встали дыбом волосы, и я сильнее вжалась в переборку за спиной. Заметив, что еще больше напугал меня, Ник нахмурился, а потом по его лицу поняла, что он сильно расстроен моей реакцией на его объяснение и пытается решить, что делать дальше. Я посмотрела на маявщуюся позади мужчин Изабель и спросила:

— Ты ведь знала, что будет и к тому же все слышала, поэтому не боялась за них. Ведь я права? — ну и зачем я это сказала?

Она удивленно посмотрела, кивнула, а потом, по-другому взглянув на меня, начала говорить:

— Милана, я понимаю, что тебя сейчас тревожит, и как много вопросов в твоей голове. Просто поверь, что когда придет время, ты все поймешь сама. А сейчас ты должна успокоиться и забыть случившееся как страшный сон. И я надеюсь, что в твоей жизни таких снов будет как можно меньше. Хотя в сказки я не верю и розовые очки потеряла в очень далеком детстве. И вообще, нам всем надо выпить, чтобы расслабиться. — Успокаивала, взвешивая каждое свое слово, но не обращая со мной как с ребенком.

Я в шоке смотрела, как она подошла ко мне и, схватив за руку, потащила вон из каюты. Заметила, что хватка у нее как у бульдога и силы немереной, хотя она не причинила мне вреда. Я семенила за ней по лесенке, а она словно танк перла наверх, лишь на секунду оглянувшись, попросила следующих за нами мужчин:

— Мальчики, принесите нам на палубу выпивки и закусок побольше. Девочки будут расслабляться и поминать страшные сны, чтоб им пусто было.

Поднявшись на очень хорошо отдраенную палубу, от вида которой мне снова стало нехорошо, Изабель дотащила меня до лежака и, усадив, сама плюхнулась на соседний и расслабленно откинулась на спинку, прикрыв глаза. Потом прищурившись, глядя на солнце, уже более тихо проговорила:

— Милана, я понимаю, как тебе сейчас тяжело и все непонятно, но ты должна знать, что мы тебе не враги и не причиним вреда. Нику сейчас очень тяжело. Встреча с тобой похожа на чудо и дает ему надежду на что-то большее, о чем он и мечтать не смел, а тут такая неприятность. И все на твоих глазах, какие уж тут ухаживания. Не бойся нас, пожалуйста, мы полностью на твоей стороне. Более того, ты пока, судя по всему, не знаешь этого, и нам тоже сложно понять, как такое могло произойти, но ты одна из нас. Объединение уже близко, мы чувствуем это. Когда оно произойдет, мы откроем тебе все наши секреты, а пока просто знай, девочка, что ты сама по себе очень важна для нас, интересна и практически бесценна. Если ты согласишься, мы сочтем за честь принять тебя в наш клан и обеспечить дальнейшую защиту от других представителей нашего вида, да и от

любой угрозы в целом. Тебя это ничем не обяжет, но ты многое приобретешь в нашем лице. Я могу говорить от имени всего клана, любимый? — она, задрав голову, посмотрела на подошедшего Коннора, за спиной которого ожидал Ник с бутылкам холодного пива и лимонада.

Я заметила, что Ник смотрит на меня с горечью, напряженно и даже безнадежно, что ли. Я не выдержала и вымученно улыбнулась, отметив, что даже такая скромная улыбка позволила всем расслабиться. Коннор, поставив тарелки заполненные фруктами, сыром и колбасой, присел рядом с Изабель и, зарывшись на секунду в ее волосы, а затем, чмокнув в губы, уверенно пророкотал, не скрывая облегчения, что ему не пришлось вести этот тяжелый разговор:

— Ты, единственная моя, можешь все, что захочешь. Если хочешь будешь только меня! И я рад от всего нашего клана повторить предложение, сделанное моей парой. Если ты согласишься, Милана, войти в наш клан, ты осчастливишь многих из нас.

Я напряженно смотрела на него, но все-таки решилась задать мучивший меня вопрос:

— Скажите, Коннор, вы и ваш клан — это какая-то, извините меня, секта или хм... объединение?

Ник, присев рядом со мной на лежак, вызвал волну мурашек от соприкосновения наших голых ног.

— Нет, малышка, мы не секта, мы клан, — ответил вместо Коннора, — и таких как мы много, и все они входят в свой клан. Хотя встречаются самцы, которые не признают никого над собой, но таких слишком мало, потому что слишком много трудностей связано с нашим образом жизни, или скажем так, проблемами жизнедеятельности, — склонившись ко мне, зарывшись лицом в мои волосы, глубоко вдохнул и уже оттуда глухо прорычал: — Но ты не волнуйся, скоро, очень скоро ты и сама это поймешь. Потому что оно уже близко и так сладко пахнет.

Его большая широкая ладонь накрыла мое бедро и, чуть сжав его, двинулась вверх, вызвав горячий отклик всего моего тела и легкий страх от того, как и когда все это происходит. Меня опять словно накрыло холодной волной, и я твердо отстранила его руку и сама отодвинулась. Смущенно взглянув, заметила, что его зеленые глаза практически почернели, а ноздри раздуваются словно кузнечные меха. Понимающе улыбнувшись, Ник лукаво прошептал:

— Я рад, солнышко, что ты меня уже не боишься. Слишком больно чувствовать твой страх.

Я ошарашено смотрела на него и пыталась осмыслить его фразу. Неужели он тоже мог чувствовать этот неприятный липкий запах моего страха? Потом, одернув себя, решила, что он просто видел мое испуганное лицо. Хотя слово "самцы" как-то странно прозвучало в его монологе. И честно говоря, весь этот вояж был странным и загадочным от начала до конца, вернее жутким в конце. Через сутки мы, наконец, вернулись в отель, и я смогла почувствовать себя чуть более уверенной. Чуть-чуть — потому что я так и не смогла прийти к какому-либо четкому выводу по поводу происшествия на яхте, и к тому же все сильнее чувствовала мужскую притягательность Николаса, при этом как ни странно, испытывая к нему едва ли не сестринские чувства.

Вообще, последнее время я определенно не в себе. Мое собственное тело предавало меня на каждом шагу, в самые неожиданные моменты испытывая то страх, то дикое желание. Мое обоняние тоже с каждым днем выкидывало разные фортели: я наслаждалась

каким-нибудь для нормальных людей неприятным запахом, в то же время не в состоянии переносить и только что не закатывая истерику от легкого запаха чьих-нибудь духов или пота. Начала болеть грудь, низ живота и самое странное — я окончательно потеряла хладнокровие, да и мозги тоже, похоже, потому что раздражало меня практически все вокруг, вызывая неконтролируемые приступы злобы и ярости.

Я с трудом выносила людей и всю эту суету. Хотелось убежать куда-нибудь, зарыться, чтобы никто не беспокоил и не трогал. Я почти безвылазно просидела в номере два дня, не реагируя ни на что и осторожно отклоняя все приглашения представителей клана Макгрант. Но в конце третьего дня Изабель, не слушая моих жалоб на плохое самочувствие, отодвинув меня, прошла в комнату и присела на краешек дивана.

— Милана, начинается очень непростой период, и тебе понадобится наша помощь. — поведала она, пристально разглядывая меня. — Мы все чувствуем, что с тобой происходит, особенно мои мужчины. Николас скоро на стенку полезет от желания, но ничего, пусть помучается, ему полезно.

У меня все больше открывался рот и все выше поднимались от удивления брови. Обессилено опустилась в кресло, потому что ноги уже едва держали. А она, как ни в чем не бывало, продолжила:

— Детка, я понимаю, что все происходящее с тобой сейчас похоже на странную, невероятную и местами страшную сказку. Но ты должна, понимаешь, просто должна нам поверить, мы не причиним тебе вреда, только поможем. Ты поймешь, почему мы не говорим тебе большего. Судя по твоему аромату, осталось пару дней. Твое объединение уже близко. И это одна из причин, по которой мы предлагаем тебе завтра же уехать вместе с нами на нашу территорию, где оно могло бы пройти без особых проблем и последствий для окружающих. Ты понимаешь, в момент объединения никто из наших не остается один, потому что есть вероятность полного обращения без возможности контроля и возвращения, хм... назад. Мы не понимаем, как тебя пропустили твои соотечественники, как о тебе никто не узнал, и ты осталась одна, без защиты и помощи, но теперь ты не одна. За твоей спиной теперь весь клан Макгрантов со всеми нашими ресурсами и возможностями. Если возникнет проблема с представителями нашего, хм... сообщества, тебе будет нужно только назвать наш клан, и никто не посмеет к тебе прикоснуться.

Я смотрела на нее и не могла понять, о чем она толкует. Какое объединение? Гнев сменила паника, и только на сердце странно потеплело, когда услышала, что теперь не одна. Не знаю почему, но сказала не то, что собиралась, и все благодаря этому теплу, исходящему из моего сердца:

— Изабель, я благодарна вам за заботу и, подумав над вашим предложением, скажу свое решение за ужином в ресторане. Но хочу, чтобы ты заранее знала, что у Николаса со мной ничего не получится. Меня сейчас почему-то сильно к нему влечет, и скажу честно, я испытываю дикое желание прямо сейчас кинуться к нему в кровать и попросить что-нибудь с этим сделать, но это не я, понимаешь! Полагаю, ты можешь решить, что я сошла с ума, но я отношусь к нему как родственнику, не более. И если бы не это желание, которое скручивает в узел, короче, я опять запуталась... Да и к тому же ты должна знать, что не я его половина. Его судьбу я уже почувствовала, и она уже начала в нем нуждаться, хотя пока не очень четко, ему надо только чуть-чуть подождать. А я? Я только ступенька к ней и не хочу стать промежуточным звеном. Хочу быть единственной и любимой, как ты для Коннора. Мне кажется, если ты захочешь, он луну с неба достанет. Я тоже так хочу. А Николас... Самое

печальное, что более потрясающего мужчины никогда не встречала, но рядом с ним чувствую себя младшей сестрой. Какая же я недоделанная!

Изабель пересела на подлокотник моего кресла, обняв за плечи, прижала к себе, поглаживая по спине в попытке успокоить. А я, не выдержав всего навалившегося за последнее время, разрыдалась. Долго не могла успокоиться, но она ничего не говорила, только тихонько, словно родная мать, поглаживала и иногда шептала успокаивающие слова. Не заметила, как уснула прямо в кресле.

Проснувшись, огляделась и поняла, что спала не менее двух часов. Шторы задернуты, и в комнате никого нет. Умывшись и приведя себя в порядок, быстро собрала все вещи и, позвонив на ресепшен, договорилась о том, что сейчас сдам номер. Забронировав места на ближайший рейс до Москвы, заказала такси и, не попрощавшись, уехала. Свои тайны я буду раскрывать сама.

Все оказалось намного хуже, чем предупреждала Изабель. Вернувшись домой, я долго металась по квартире, не зная чем заняться. За пару дней до блеска выдраила свою квартиру, накупила продуктов, убралась в гараже, выкинув кучу ненужного хлама, и под конец второго дня почувствовала, что у меня поднялась температура. И как только умудрилась заболеть летом в тридцатиградусную жару? К ночи я вся пылала, ощущение, что ломило все кости, выкручивало руки, ноги, болела кожа и все вплоть до кончиков волос. Потом начались месячные, вслед за которыми, пришло дикое неконтролируемое желание секса и свободы.

Стены давили на психику так, что хотелось выть и разобрать их по кирпичику. С каждой секундой становилось все хуже. Неуверенная что смогу в таком состоянии управлять машиной, схватила деньги и, захлопнув дверь и положив ключи под коврик, ринулась на улицу. Кругом люди, от отвратительного запаха которых сводило мышцы лица. Недолго думая, я остановила машину и попросила отвезти к ближайшему лесу. Под удивленным взглядом водителя протянула ему деньги и помчалась в лес. Я бежала словно летела, не чувствуя под собой ног и наслаждаясь звуками природы и ощущением свободного движения. Через какое-то время, остановившись и оглядевшись вокруг, обратила внимание, что даже ночь перестала быть темной как раньше. Столько красивых богатых оттенков я не видела никогда. Я шла босиком по теплой, нагретой за день почве — не помню, как оказалась без обуви — каждой частичкой впитывая неповторимые ароматы леса.

Внезапно меня скрутила судорога. Затем еще одна и еще. Я уже перестала их считать, потому что все силы уходили на то, чтобы пережить очередную волну и не раствориться в нечеловеческой боли, которая раздирала все тело, словно выворачивая наизнанку, на живую перестраивая и перекраивая каждую клеточку моего организма, ломая каждую косточку. Я уже не могла кричать, только выла и корчилась, зарываясь лицом в землю, вспарывая ее разодранными в кровь пальцами с обломанными ногтями. Я уже не надеялась выжить, желая быстрее умереть, чтобы больше не испытывать эти муки. В какой-то момент все прекратилось, и я на какое-то время отключилась...

Почувствовав, что пришла в себя, тихонько лежала, боясь лишним движением или вздохом спровоцировать новый приступ, а потом увидела это... И этим оказались лапы, такие здоровые черные звериные лапы, на которых в данный момент покоилась моя голова. Резко вскочив, посмотрела вниз, пытаюсь определить, на чем же это я так неосмотрительно развалилась или точнее — на ком. Не веря своим глазам и разумом пытаюсь следовать за собственным взглядом, поняла, что это не глюки!

И лапы мои, причем все четыре!

И хвост тоже мой! Скосив глаза к носу, заметила, насколько он стал длиннее и волосатее.

И только спустя минуту сидения на своей новой хвостато-меховой заднице, заметила разорванные в клочья вещи, в которых еще пару часов назад выскочила на улицу. Тупое разглядывание этого рванья, сменилось озарением. И наконец, все паззлы сложились в одну картинку. Клан Макгрантов! Объединение! Пираты, которых словно когтями и клыками рвали! Да, вот влипла! Еще раз уже более спокойно осмотрела себя, и внезапно в голову пришла мысль, навеянная разговором с Изабель. Ведь я могу не вернуться обратно. Вторая мысль придала надежду. Надо позвонить Изабель, она поможет! Зато третья — надежду на

корню уничтожила, заставив нервно не то полурывнуться, не то полухмыкнуть. Мне представилась сценка, как я на оживленной улице подбегаю к кому-нибудь и рычу: "Извините, не одолжите свой телефончик, мне надо друзьям позвонить в Шотландию, срочно выяснить, как обратно человеком стать". Ладно, будем потихоньку выходить из этой ситуации.

Я неуклюже поднялась и, путаясь в собственных лапах, начала осваивать новое тело. Надеюсь, охотничий сезон на волков еще не открыт и по ночам охотники и туристы по лесу не ходят. Кстати, а ведь волки вполне могут прогуливаться.

Через пару часов, когда со своим телом я, наконец, разобралась и теперь чувствовала только нужду моей волчицы в спаривании, смогла понять, что до сих пор чувствовала не свое желание, а ее. И вот в этот момент на полянку выскочила пара волков. Помяни черта!

Мой новообретенный инстинкт подсказал, что это не обычные волки, а одного со мной вида. До сих пор не могла поверить полностью, что все со мной происходящее, — это не плод больного воображения, ведь все знают, что веров не существует. А они вон стоят, принохиваются жадно и так нагло на меня смотрят. У-у-у, морды мохнатые! Так, судя по всему, их привлек мой запах гулящей самки. Да-да, гулящая самка на данный момент — это я. Свою волчицу я ласково назвала Милкой, и вот сейчас это подлое животное предательски решило радостно подставить им свой зад для снятия первой пробы. И аж скулила от нетерпения. Самцы от такого приветливого приема пришли в полный единодушный восторг и, подбежав ближе, начали кружить вокруг.

Моя человеческая половина, мысленно отвесив оплеуху волчьей и приводя мысли в порядок, хотя получилось с трудом, прижала зад к земле, сев спиной к дереву, и пристально следила за происходящим, судорожно просчитывая варианты побега. О драке не было и речи. Меня сразу подомнут, и прости-прощай моя девичья честь, которая достанется парочке серых желающих.

Я все-таки в большей части человек, и хитрости у меня тоже человеческие. Резко округлила глаза и втянула воздух, делая вид, что кого-то увидела позади них и испугалась, а в тот момент, когда их человеческие инстинкты тоже сработали, и они развернулись, готовясь к встрече нежданных гостей, рванула прочь со всех лап, обеспечив себе фору. Не тут-то было, они гоняли меня по лесу больше суток, не давая даже секундочки отдохнуть. Когда пришло понимание, что сил совсем не осталось, и меня скоро поймают, и уж точно не спустят подобной выходки, увидела небольшую речушку. И меня озарило.

Вывалив голову в грязи, по самые глаза и нос залезла в воду, где и просидела следующие сутки, опасаясь выйти наружу и быть пойманной. Ведь я для них фонила словно ничейный уран для террористов. К утру третьего дня почувствовала, что жажда секса сменилась лютым голодом, который полностью выключил человеческий контроль над животной половиной. Голод — не шутка!

Чувствуя во рту солоноватый теплый привкус свежей крови только что убитого и съеденного зайца, Милка урчала от сытости и приятной усталости, а моя человеческая часть, содрогаясь от ужаса содеянного, никак не хотела приходить в себя. Так и заснула, пытаюсь выяснить, кто же я сейчас. Проснулась уже под вечер и обнаружила, что снова стала человеком. Причем абсолютно голым человеком. Проплутав несколько часов, по запаху вышла к небольшому населенному пункту — дачному поселку за сто верст от Москвы.

В темноте осторожно влезла в какой-то домик и, кое-как смыв грязь, распутав волосы и одевшись, скажем так — в позаимствованное, пешком направилась в город. Под утро я

поймала попутку и уговорила водителя подвезти, пообещав расплатиться с ним возле дома. Зайдя в подъезд и поднявшись на свой этаж, наклонилась, чтобы достать ключи из-под коврика и очень удивилась, не обнаружив их там, но еще больший шок у меня вызвал Николас Макгрант, появившийся в дверях моей квартиры, и пристально разглядывавший мою скромную, несколько потрепанную за три дня скитаний по лесу, персону. Помолчав мгновение, я неожиданно для себя поняла, что непередаваемо рада его присутствию, при этом не испытывая к нему никаких плотских желаний, зато ощущая рядом с ним покой и умиротворение. Сделав шаг навстречу, крепко прижалась, обняв как большого надежного брата, и прошептала:

— Это были самые ужасные дни в моей жизни, но, слава богу, все обошлось, и ты здесь. Прости, что сбежала, я не хотела причинять тебе боль, но и дать то, что ты хотел, не могла. И не смогу! Но я так рада, что сейчас ты здесь, со мной, что даже описать не смогу.

Здрав голову, посмотрела на него и увидела, что он улыбается нежно и немного печально.

— Детка, я уже это понял, но мы пообещали тебе защиту и никогда не заберем свое слово назад. Нам потребовалось целых двое суток, чтобы найти тебя. Хвала господу, Изабель, пока ты спала, записала номер твоего сотового телефона. И я тоже очень рад, что ты нашлась и теперь в безопасности. Пока мне достаточно и этого, а там, может ты передумаешь?

Печально посмотрела на Николаса и спросила:

— Разве тебе Изабель не передавала наш с ней разговор? Ой, кстати, мне надо спуститься вниз, там возле подъезда машина стоит, надо расплатиться с водителем, он меня из пригорода довез.

Я попыталась вырваться из его рук, чтобы добраться до денег, но мне не дали. Николас, чуть повернув голову, тихо рыкнул вглубь коридора:

— Трент, оплати счет и сразу назад. И посмотри вокруг.

Из-за его спины протиснулся огромный парень, похожий на тяжелоатлета, и, проходя мимо, глубоко вдохнул, и, блаженно улыбнувшись, подмигнул мне. Его движение ускорил недовольный рык Николаса, который втянул меня в квартиру и закрыл дверь. Войдя в гостиную, я испуганно юркнула к нему за спину, увидев еще двоих верзил, как две капли воды похожих на Трента. Николас, чуть повернувшись и обняв меня, улыбаясь, представил нас друг другу:

— Это Расти и Калерб, они с Трентом из одного помета, поэтому так похожи. Они лучшие защитники клана, и ты не должна их бояться. Со временем поймешь, что любой мужчина из нашего клана опасен для тебя словно трехмесячный щенок.

Я неуверенно улыбнулась и кивнула им обоим, а потом решила, что пора, наконец, заняться своим внешним видом, когда рядом столько очаровательных мужественных индивидуумов. Поэтому, быстро зайдя в спальню и полюбовавшись этим не слишком презентабельным внешним видом в зеркале, поспешила собрать необходимые вещи, затем, по ходу дела извинившись перед всеми, пошла отмывать трехдневную грязь, однако, не забыв попросить приготовить их что-нибудь поесть. Ведь я-человек не ела целых три дня, а то, что ела я-волчица... бр-р-р, даже думать об этом не хочу. Через час мы сидели прямо на кухне и дружно уминали большие вкусные бифштексы с макаронами, причем мне приходилось не только жевать, но и рассказывать, что произошло, пока их не было со мной. Когда я закончила, Трент заявил:

— Если ты сможешь показать место, где встретила тех веров, мы их найдем и накажем. Очень сильно накажем. — от его тона мне самой стало холодно.

— Я думаю, это молодняк, потому что взрослый вер на такую удочку никогда не клюнет, да и молодую самку из рук не выпустит. Так что тебе очень повезло, что на каких-то недорослей напоролась. Были бы постарше да поумнее, так просто бы не отделалась. Но решение с ручьем просто супер. Ты достойная дочь Макгрантов, — гордо сообщил Расти, удовлетворенно хмыкнул и осклабился, показав приличный набор зубов и довольно острые клыки.

Николас нахмурился, услышав эти слова, а я удивленно повернулась к нему в ожидании пояснения про 'достойную дочь'.

— Милана, мы сегодня же улетаем из Москвы, и ты вместе с нами. В данный момент мы находимся без разрешения на территории чужой стаи, и нам бы не хотелось спровоцировать конфликт интересов. Глава нашего клана, отец Коннора, согласился принять тебя в нашу стаю в качестве приемной дочери. Его дочери.

— Почему? Какой вам интерес так со мной возиться? И зачем мне нужен этот статус, неужели у вас всех таких найденышей как я в родственники записывают? — выпалила я, не став слушать дальше и замолчала, тревожно ожидая ответ.

Ник тоже молчал, было заметно, что он думает, как правильно ответить на мои вопросы.

— Ну, начнем с первого вопроса. Потому что ты уникам — полукровка. Таких как ты, вся наша история насчитывает всего двадцать три особи. На самом деле потомство от вера и человека получить почти невозможно. Только восемнадцать человеческих женщин смогли зачать и выносить детей от веров. Твоя мать восемнадцатая, а ты двадцать третий ребенок за несколько тысячелетий существования нашего вида. До сих пор мы не смогли выявить, как это происходит. Но факт остается фактом, более того, каждый из этих детей наделен каким-либо даром, но обделен нашей неуязвимостью. Вы от природы более слабые, хотя так же как обычные веры очень сильно отличаетесь от людей по многим параметрам, но в свою полную силу вы входите гораздо медленнее, чем мы. Видишь, даже половое созревание у вас происходит в двадцать пять, а иногда и в тридцать лет, а у нас это происходит в двенадцать-четырнадцать. С возрастом веры становятся все более сильными и неуязвимыми, после пятой сотни нас практически невозможно убить обычным способом, а уж когда мы разменяем тысячелетний рубеж, то даже для регенерации почти не требуется времени, да и особых усилий. А вот тебе придется прожить не одно столетие, чтобы тело приобрело хотя бы половину наших способностей. Хотя тебе это вряд ли понадобится, ведь ты самка и в опасных для жизни предприятиях участвовать не будешь.

Я сидела молча и приоткрыв рот, пыталась переварить полученную информацию. Особенно о продолжительности жизни. Потом у меня в голове родилась мысль, которую я тут же озвучила:

— Хм-м-м. А сколько тебе лет? — и пристально уставилась на него, пытаюсь прикинуть, насколько же он выглядит. С трудом наскребла тридцать. Но его ответ намертво прибил меня к стулу, а мою челюсть — к паркету.

— Мне триста двадцать два года, братьям, — он кивнул в их сторону, — по триста, Изабель — четыреста тридцать восемь, Коннору — уже семьсот сорок, а вот его отцу Рэнулфу недавно стукнуло тысячу четыреста тридцать шесть лет. Кстати, близнецам Коннора и Изабель по восемьдесят шесть, так что они такие же малолетки, как и ты. Я

думаю, вы найдете общий язык, — немного помолчал, заметив, что вызвал у меня информационный шок, улыбаясь, продолжил: — Не волнуйся, я не такой старик, как тебе сейчас кажется. Веры как вино, с возрастом становятся только крепче и вкуснее, — он лукаво посмотрел на меня, а потом они вчетвером заржали словно кони.

Глядя на них, не могла не улыбнуться, с трудом переваривая услышанное.

— Ну, а теперь отвечу на твой вопрос 'зачем'. Ты же понимаешь, что природа никогда ничего не дает просто так. Мы получили практически бессмертие и неуязвимость, и если бы еще и размножались как люди, то скоро на земле кроме нас никого бы не осталось. Поэтому природа ввела сдерживающий фактор для размножения. Чтобы родилось потомство, мы должны быть полностью совместимы со своей женской парой, ее мы узнаем по запаху, на который срабатывает наш инстинкт. После спаривания со своей истинной, извини за грубость, стоит только на нее, так что измены со стороны мужчины полностью исключены, что не гарантирует верности самой женщины, так как она подобной фигой не ограничена. Ну и самое печальное: дети у нас рождаются редко, и чаще мальчики, чем девочки. Да еще наша волчья натура, сама понимаешь, спокойную жизнь не гарантирует. Вот и страдает наш генофонд и общая численность. Мы заинтересованы в тебе еще и потому, что ты женщина-вера, причем свободная и ничейная. Может так случиться, что среди нашего клана ты найдешь свою пару. Но даже без потомства сможешь осчастливить любого вера присутствием в его долгой и чаще всего бессмысленной жизни, став центром его вселенной. Например, МЕНЯ! Сейчас нет ни одной свободной женщины-вера. По крайней мере, мы о них уже много лет не слышали, хотя отслеживаем такие новости очень внимательно, сама понимаешь.

Ну и наконец, ответ на твой третий вопрос о статусе. Коннор пообещал тебе независимость, защиту клана и отсутствие обязательств с твоей стороны в отношении клана, он, конечно, немного погорячился, но слово уже дал. В жизни веров честь имеет самое большое значение. Чтобы ты получила подобные привилегии официально, придется стать дочерью главы клана Макгрант. Вот и все тайны. Если ты согласна поехать с нами, надень клановый перстень.

Он протянул ладонь, на которой лежал перстень с большим сапфиром в центре, в обрамлении витиеватых символов, выполненных из золота. Я любовалась его красотой и думала о том, что не знаю всех правил этой предложенной мне новой жизни, но это возможность войти в семью, отделаться от одиночества и однообразия. Возможность развить свой дар свахи и помочь им хоть чем-нибудь. Да к тому же банальная причина — страшно оставаться здесь одной, а рядом с Ником чувствую себя в безопасности. И пока это главное. Я взяла кольцо и, надев его на безымянный палец, сообщила:

— Ник, мне надо обязательно съездить на фирму и подать заявление на увольнение с работы, прежде чем уезжать с вами, и еще вещи собрать.

Он облегченно вздохнул и, пересадив к себе на колени и крепко обняв, зарылся в мои волосы:

— Я до сих пор не могу поверить, что мы встретили тебя, что теперь ты с нами, со мной. Что ты смогла выдержать объединение и избежать случайного спаривания. Твой запах невинности такой сладкий, что дурманит голову и рождает дикие фантазии. Ты просто чудо.

Пытаясь отвлечь всех от этих откровенных мыслей, наигранно удивленно сказала, делая вид, что принимаю к себе:

— Да, а я почему-то не чувствую никакого запаха?

Напряженно следящие за нами братья, чуть расслабившись, рассмеялись, а Ник насмешливо щелкнул меня по носу:

— Милана, придется поторопиться, возьми только самое необходимое, — и предупреждая мои возможные возражения, заверил, — ты всегда сможешь вернуться, а я пока организую поездку. — Я слезла с колен и ушла собирать сумку, а он начал разговаривать по телефону.

Управилась я за пару часов, доверив квартиру своей хорошей соседке, и мы поехали ко мне на работу увольняться.

Сложив свои немногочисленные личные вещи, написав заявление и заверив его в отделе кадров, отправилась к генеральному директору получить его визу. Зайдя в приемную, заметила странно бледную секретаршу, которая с выпученными глазами смотрела на меня. Положила ей на стол заявление и спросила, где начальство. И тут краем глаза заметила в приоткрытом дверном проеме движение в кабинете директора. Повернув голову, увидела нечто такое, от чего на загривке встала бы дыбом шерсть и прямо-таки заорала внутренняя система оповещения о грядущих неприятностях.

В кабинете находились три вера, один из которых в данный момент держал за горло нашего генерального, от чего у бедняги вылезали из орбит глаза и кожа начала отливать синевой, а двое других, стояли, подпирая косяки. В одном из них я с ужасом узнала берлинского знакомого, брюнета, который караулил дверь номера и бегал по коридорам. До сознания отчетливо дошло, что, скорее всего, их визит по мою душу. Широко улыбнувшись обратившей на меня внимание грозной троице, помахала ручкой, как будто ничего страшного не происходит, затем повернулась к выходу и, сделав пару шагов, рванула на спринтерской скорости по коридору. Скинув туфли на бегу, свернула на запасную лестницу, вовремя сообразив, что вряд ли стоит рассчитывать в этот раз на лифт, а так у меня будет небольшая фора. Я услышала тяжелый бег моих преследователей дальше по коридору к лифтам и, несясь как ненормальная, пыталась анализировать смысл этой погони. Зачем я им понадобилась? Выяснить это лично совсем не хотелось, особенно после увиденного. Что-то слишком часто приходится использовать свои ноги, чтобы избавиться от назойливого внимания. Если так и дальше будет продолжаться, я скоро марафон бегать смогу, так натренируюсь. Я уже чувствовала дыхание преследователей, когда, преодолев последний пролет, выскочила в фойе, а потом на парковку. Буквально влетев в ожидающую меня машину, я крикнула:

— Сматываемся! Быстро, а то у нас сейчас компания образуется, причем нежелательная! — я еще говорила, а Трент нажал на газ.

Ник, обернувшись, заметил моих преследователей в заднем окне. По тому, как он резко выдохнул, я поняла, что он узнал их, и знание это не предвещает ничего хорошего.

— Ты знаешь, кто это, я права? — скорее утвердила, нежели спросила, пытаюсь отдышаться.

Сощутив глаза, он молча переглянулся с остальными, потом, достав телефон, позвонил:

— Макгрант, за ней началась охота. Первыми вышли Морруа. Я только что видел Жака, Поля и, кажется, Рене. Мы на пути в аэропорт, оторвались и, судя по всему, нам потребуется дополнительная охрана. Я думаю, они скоро узнают, у кого она. Заявите о ней перед советом. Судя по всему, Морруа не остановятся ни перед чем, чтобы забрать ее. — выслушав собеседника, Ник повернулся ко мне и спросил: — Малышка, ты видела этих волков раньше, до сегодняшнего дня?

Я огорченно кивнула и пояснила, где и когда встречала их. Ник задумался на мгновение и, кивнув, продолжил разговор по телефону:

— Да, дядя. Ты слышал? В Берлине был Жак с кем-то еще, надо это выяснить. Но так стараться он будет только для себя либо для главы, — Ник потемнел лицом, вслушиваясь в речь собеседника, а потом прорычал. — Мне все равно, она Макгрант, и они ничего больше не смогут сделать, главное — заявить ее совету, и она будет свободна в своем выборе. Хорошо, дядя, до встречи.

Я с тревогой смотрела на Ника, а потом прильнула к нему всем телом, положив голову ему на грудь:

— Ну что, у меня новые проблемы?

Он расслабился и, запустив пятерню в волосы, крепче прижал мою голову, как обычно успокаивая:

— Не волнуйся, солнце мое, мы решим все твои проблемы. Расслабься и отдыхай. Расти, договорись о зеленом коридоре, нам в аэропорту не нужно лишнее внимание.

Встреча в аэропорту прошла спокойно, если не считать усиленного эскорта в десять телохранителей. Потом длительная поездка из Эдинбурга, во время которой, пытаясь отвлечься от тревожных мыслей, крутила головой по сторонам. Рассматривала незнакомый пейзаж за окном, слушая пояснения Ника и близнецов, и наконец, лесной массив, в котором укрывалась деревушка, словно кольцом опоясывающая большой каменный дом, по виду которого сразу можно сказать, что он сам и дома вокруг служат своим обитателям много лет. Много веков, судя по тому, как органично эта деревушка вписывалась в окружающий ландшафт. Просто потрясающий пейзаж, умиротворяющая обстановка, мирные жители вокруг.

Хм-м-м. Насчет мирных жителей я поторопилась! Уже выйдя из машины и ожидая когда Ник с братьями выгрузят мой багаж, сначала услышала грохот и, скорее всего, шотландскую ненормативную лексику, а потом прямо мне под ноги упал сначала один парень, а потом сверху него приземлился еще один. Вслед за ними в дверях дома показался Коннор, одетый только в штаны, которые держались на очень внушительном честном слове. У меня от его вида даже дыхание сперло от исключительно эстетического зрелища. Боже, здоровый, привлекательный и такой твердый мужчина. Р-р-р-р! Однако долго любоваться не дала парочка, так категорично выдворенная из дома, которая подозрительно не спешила подниматься, и сейчас в две одинаковые головы пыталась заглянуть мне под юбку. При виде сего нахальства, у меня от злости аж в глазах потемнело. Я нагнулась и, схватив их обоих за уши, больно дернула со словами, которые скорее прорычала, чем проговорила:

— Эй, сосунки, сначала из пеленок вырасти надо и научиться за собой горшки выносить, а потом приличным тетям под юбки заглядывать.

Демонстративно встряхнула руками и, перешагнув через сплошные мускулы, при этом на что-то или на кого-то наступив, судя по раздавшемуся шипению, улыбаясь, шагнула к Коннору и вышедшей мне навстречу смеющейся Изабель. Она сначала крепко обняла, а потом крутила меня во все стороны, внимательно разглядывая. А терпеливо дожидавшийся своей очереди для приветствия Коннор, восхищенно присвистнул и пророкотал, обняв свою жену:

— Знаешь, детка, с нашей последней встречи ты очень изменилась, став просто сногшибательной женщиной. Ну, после мой жены конечно, — поправился он, стоило Изабель притворно обиженно взглянуть не него, но услышав последнее замечание, улыбнулась, уютнее устраиваясь в его объятиях. — Но главное, Милана, оказывается, ты умеешь ставить на место безмозглых особей мужского рода, а я все переживал, думал, где бы тебе няньку найти, а ты сама нянькой работать можешь. Так что знакомься, эти два оболтуса наши полоумные сыночки Тревор и Энгус, которые только массу наращивают, жаль, не мозговую, — оглянувшись и кивнув Нику и остальным, сообщил, — Ник, срочно к отцу зайди, а мы пока Милане дом покажем, ее новую комнату и встретимся за ужином. Ты проголодалась, девочка?

Я смотрела на неизвестного для меня Коннора, который больше не был веселым бесшабашным молодым мужчиной, отдохавшим со своей прелестной женой. Нет, теперь передо мной стоял будущий глава клана: сильный, уверенный, жесткий мужчина, который знает, чего хочет и любыми путями добивается своего. Интересная метаморфоза. Изабель

тоже неуловимо изменилась: теперь она хоть и выглядела молодой женщиной, все же явно чувствовались возраст, накопленный опыт и положение главной женщины клана. Но независимо от всего этого, сейчас я ощущала ее своей старшей сестрой, по которой за несколько дней уже соскучилась. Судя по выражению понимания и сочувствия на лице Изабель, она это заметила, оценила и чувствует то же самое. Обернувшись к Коннору, попросила:

— Любимый, может, ты тоже к отцу сходишь, а мы тут вдвоем по-девичьи поболтаем и дом посмотрим.

Коннор понимающе улыбнулся, потрепав меня по макушке и чмокнув жену в щеку, быстро ушел в дом. А мы не спеша пошли вслед под жадные любопытные взгляды окружающих нас мужчин. Когда братья занесли вещи в предназначенную мне комнату, я каждого поцеловала в щеку и поблагодарила за все, что они для меня сделали. Они переминались с ноги на ногу, явно пытаясь найти хоть какую-нибудь причину, чтобы остаться, но Изабель, выпроводив их за порог, закрыла дверь. Оставшееся до ужина время мы потратили с пользой. Весело болтая, разобрали вещи, половину которых Изабель сразу предложила выкинуть, чтобы был повод для шоппинга, потом я рассказала обо всем, что произошло после моего спешного отъезда из отеля: про объединение, преследование чужих веров в лесу и Морруа — в Москве, а затем, приняв душ и переодевшись, спустилась с ней в гостиную на ужин.

В ожидании представления приемному отцу меня немного потряхивало. Вдруг он не примет меня, ведь я могу ему не понравиться. Вдруг он мерзкий злобный старикан, у которого от мааразма уже ум за разум зашел. При нашем появлении в гостиной, где был накрыт огромный стол, встали все находившиеся там мужчины, кивком приветствуя нас. Увидев среди них Николаса, подошла к нему, встав рядом, и с любопытством начала рассматривать остальных. Вокруг стояли два уже знакомых парня-близнеца, которые с улыбками смотрели на меня, рядом с ними — Коннор и двое мужчин лет тридцати-тридцати пяти. Оба некоторое время пристально изучали взглядом, а затем направились ко мне, я же инстинктивно двигалась ближе к Нику, чувствуя идущее от них высокое напряжение. Николас, слегка приобняв меня на правах уже хорошего знакомого, погладил ободряющим жестом по спине и громко сказал:

— Позвольте представить, Милана Лисовская! — затем с легким укором продолжил, — дядя, вы с Хавьером нашу девочку задавили своей харизмой.

Я, едва удержавшись, чтобы не охнуть, уставилась на двух подошедших мужчин и только сейчас поняла, что находящийся справа очень напоминает Коннора, словно старший брат, а значит, это и есть полуторатысячелетний оборотень и глава клана Макгрантов. Такой же шатен с карими глазами, выступающим твердым подбородком и римским носом, более мощным телом и аурой, излучающей могучую силу, опасность, власть и опыт, заработанные потом и кровью, многими годами жизни. Молодое тело, но холодный и жесткий взгляд, который чуть светился интересом и легким удивлением. Он молча протянул руку, в которой потерялась моя робко протянутая ладошка:

— Рэнулф Макгрант!

Он поднес мою ладонь к губам и, глубоко вдохнув, нежно коснулся губами. Странно, в этот момент я отчего-то ощутила только жалость к нему, но в следующий — дискомфорт в груди, очевидно, его нужда требует и зовет. Слегка согнувшись и побледнев от боли, неосознанно выдернув руку, я потеряла грудину, чтобы хоть немного снять возникшее там

напряжение. Какая сильная нужда! Заметив, как все тревожно уставились на меня, я смутилась и решила отложить весьма щекотливый разговор на более удобное время. Совсем неловко рассказывать о своем даре такому количеству народа. Взяв себя в руки, улыбнулась, адресуя улыбку всем, остановившись взглядом на втором незнакомом мужчине. Смуглая оливковая кожа, черные волосы, темно-зеленые глаза имели, скорее всего, испанские корни. Уверенно протянула ему руку, тем не менее, в душе испытывая трепет. Он также как и Рэнулф поцеловал мою руку и, учтиво склонив голову, мягко представился:

— Сеньорита, позвольте представиться, Хавьер Матиас Отерро, представляю испанский клан Отерро в этой гостеприимной обители шотландских братьев.

Я открыто улыбнулась, этот мужчина мне очень понравился. Поэтому спросила, ожидая любого ответа, уж очень интересно:

— Скажите, а вы случайно не в одной песочнице с главой Макгрантов играли? А то, честно говоря, я ожидала чего угодно, но не того, что сейчас увидела.

Оба мужчины заинтересованно посмотрели на меня, а Отерро спросил улыбаясь:

— Что же ожидала увидеть маленькая красавица, чего не увидела? Старых сморщенных пердунов или ходячие мумии?

— Хм...

— Девочка, оборотни не стареют, они с возрастом только крепчают и становятся сильнее. Вот например, Рэнулф весь молодняк в этой комнате за пару минут разделает, даже Изабель не узнает. Но ничего, тебе простительно, Ты сама еще младенец. Женщинам вообще все простительно, они слишком редкое сокровище, чтобы не ценить их. А ты, красавица, будешь одним из самых редких украшений чьей-нибудь сокровищницы.

Услышав его слова, я совсем смутилась и замолчала, украдкой поглядывая на остальных. Мы расселись за столом и принялись за еду. К моему удивлению, нас обслуживали люди. Как оказалось, на территории клана живут обычные человеческие семьи, которые столетиями служат оборотням, причем абсолютно добровольно. Пока разговор не касался меня, я, наслаждаясь общением и хорошей кухней, ела и слушала остальных. Выяснилось, что Отерро входит в европейский совет кланов и здесь он по приглашению своего друга и однопесочника Рэнулфа. Через три дня меня представят совету, и я официально стану Миланой Макгрант, а Хавьер поддержит нас. Затем, нам придется вылететь в Париж на заседание совета в главную резиденцию клана Морруа, глава которого уже много лет возглавляет совет кланов. И опять что-то сжалось в груди. Когда услышала знакомую фамилию, в ужасе посмотрела на Ника, но он, улыбнувшись, пожал мою руку, тем самым показывая, что для волнений нет причины. Затем разговор перешел к моей персоне, и посыпались вопросы о прежней жизни. Особенно о родителях. Уже через полчаса создалось четкое впечатление, что присутствую на допросе. Да и вообще, все эти волнения, перелеты, новые впечатления и знакомства до предела вымотали. Мои собеседники заметили это и предложили пойти отдохнуть, что я с благодарностью и сделала.

Темнота, одиночество, холод, который высасывает из души последние остатки человеческого тепла. И такая острая боль от потери чего-то? Кого-то? Должна быть рядом! Капля счастья, а потом снова пустота и холод. Вернись! Не предавай! Не продавай! Не прогоняй!

Проснувшись среди ночи, долго ворочалась в кровати. Снова эти сны, которые мучают меня последние месяцы. Новое место, другая страна — все тревожит и не дает спать спокойно. Или это чья-то нужда спать не дает, зовет своего обладателя. Накинула на пижамку халат и спустилась вниз на кухню в поисках молока. Выпив стакан и налив еще, решила захватить его с собой в спальню и на цыпочках направилась обратно. Проходя мимо распахнутого кабинета главы, заметила движение возле окна и осторожно заглянула внутрь. Он стоял и смотрел на ночной пейзаж, казалось, что сейчас он находится где-то очень далеко. Я, тихонько войдя и закрыв дверь, подошла и встала рядом, отпивая молоко из стакана. Тряхнув головой, он удивленно уставился на меня, а я попросила:

— Расскажите, где Вы сейчас были и что видели?

Он нахмурился, мотнул головой, и усевшись в глубокое кресло, прохрипел:

— Иди спать, Милана, ни к чему тебе мои старые грехи ворошить.

— Позвольте? — утвердительный кивок и я, присев на мягкий подлокотник его кресла, попросила: — А вы расскажите, и вам легче станет, и мне понятней будет ваша жизнь.

Он каким-то обреченным взглядом посмотрел на меня и прорычал:

— Тебе понятней не станет, страшно будет. По крайней мере, мне вспоминать страшно и больно. А рассказывать я только сыну лет этак триста назад рассказывал, чтобы знал, какие ошибки совершать нельзя.

— И все-таки.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Ты уже в курсе, что мать моего сына погибла, но немногие знают как. Мою жену звали Мейдия, мы познакомились в лесу на охоте. И с того дня все время были вместе. Через сорок лет появился Коннор, а еще через семь — две дочери-близнецы. Представляешь, какое это было для нас счастье. Для своей семьи я построил огромный дом и думал, что надежней его нет на всем свете. Через полгода после рождения близнецов меня вызвали на совет кланов, и я, забрав сына, отправился в поездку, позаботившись о надежной охране жене и девочкам. К тому моменту Морруа уже правил в совете, и мне пришлось задержаться, чтобы присутствовать там, когда очередной самоубийца выдвинул свою кандидатуру на пост верховного главы. На обратном пути, уже за несколько верст почувствовал запах гари и смерти. За неделю до моего возвращения церковники выкрали мою жену и детей и, прикрываясь ими, вырезали половину клана и почти всех людей, которые жили с нами. Затем они соорудили помост и на нем сожгли моих девочек заживо. Если тело сгорает полностью, то взрослый оборотень восстановиться не сможет. Как говорится, повреждения, несовместимые с жизнью, и практически единственное средство нас убить. Мои дочери сгорели сразу, а вот для жены им пришлось пару дней поддерживать огонь нужной температуры, чтобы ее тело превратилось в прах. Я не успел всего на неделю, и от моей семьи остался только сын. Я нашел всех, кто был повинен в их смерти, но никого вернуть уже было невозможно. Я бы сдох в тот момент, когда отомстил последнему убийце моей

семьи, но Коннор — ее частичка тоже, и пришлось жить. И даже сейчас я не знаю, зачем продолжаю свое существование.

Я сидела у него на коленях, не понимая, в какой момент оказалась здесь, и, не сдерживаясь, рыдала у него на груди. Вытирая слезы рукавом, спросила:

— Но ведь ты можешь еще раз встретить свою половинку и изменить жизнь. Я думаю, Мейдия была бы рада увидеть тебя, наконец, счастливым.

— Малышка, в нашей истории не известно ни одного случая, когда один самец получил бы вторую пару. — Рэнулф печально посмотрел на меня.

Я задумалась, а потом пришедшая в голову идея затопила всю меня надеждой и радостью. Ведь эта мысль как-то так уверенно срослась с чувством нужды Рэнулфа. Создалось такое ощущение, что я несусь на паровозе к намеченной цели. Причем верным путем. Даже болезненное чувство его нужды во мне запульсировало с новой силой, заставив поморщиться и снова потерять грудину.

— С тобой все хорошо, маленькая? Что-то болит? — забеспокоился Рэнулф.

Отрицательно мотнув головой и вцепившись в лацканы его пиджака, спросила:

— Скажи, ты веришь в реинкарнацию? Что одна душа может рождаться заново в другое время и в другом теле?

Он пристально посмотрел на меня, а потом усмехнулся и попытался ответить:

— Милана, я боюсь, к верам это не относится и...

— Но почему? — уперлась, пытаясь достучаться до него и добиться доверия. — Ведь ваши мужчины умирают сразу после гибели своих пар, так я понимаю. И только ты, ну, может и еще кто-нибудь прожил без своей пары так долго. Ведь может так случиться, что вы дожидаетесь своего повторного счастья. А оно просто идет к вам медленно. Понимаешь, я с детства чувствую, когда кого-то ждут, ищут, готовы полюбить и соединить с ним свою жизнь. Я назвала это чувство нуждой. Она возникает, когда человек очень сильно нуждается в другом человеке или нечеловеке как в твоём случае. Когда страдает от отсутствия своей половины, когда готов принять ее и зовет ее. Ты мне веришь? — заметив недоверчивое движение, продолжила. — Просто поверь мне! Я даже в универе получила прозвище Сваха за свое сводничество. В хорошем смысле слова. А еще когда она приходит ко мне, я чувствую боль в груди, и пока не направлю все ресурсы на ее исполнение, не становится лучше. Вот и с тобой почувствовала твою нужду, когда ты коснулся моей руки перед ужином. И, честно говоря, она так терзает меня, что я даже спать не могу. А это значит, нужда в тебе настолько сильна, что твоя половина очень страдает от того, что тебя нет рядом и она уже готова принять тебя. А самое главное, когда мне сейчас в голову пришла мысль, что, возможно, это душа твоей жены, нужда чуть дырку мне в груди не сделала, выходит, я на верном пути.

Рэнулф пересадил меня в кресло и, встав, подошел к окну. Потом глухо спросил:

— Ты когда-нибудь чувствовала подобное в отношении других веров? — Я смущенно поерзала в кресле, и, не получив ответа, мужчина, повернувшись ко мне, заметил это. — Я жду ответа.

Тяжело вздохнула и ответила:

— Первый раз это была моя собственная нужда, которая заставила меня отправиться в Берлин на выставку. Там я увидела трех веров, один из которых пытался сесть со мной в лифт, а потом его спутник искал меня, бегая по этажам, и обнюхивал дверь, за которой я тряслась от страха. Слава богу, я тогда вовремя сбежала из отеля. Правда, потом тот же вер, которого Ник назвал Жаком, пытался поймать меня в офисе, где я работала, причем,

наверное, придушил моего шефа. Короче, я опять сбежала. Этот Жак меня жутко испугал, и выяснять кто там из них моя половина, как-то не хочется. Ну а второй раз, это была нужда Николаса. Поэтому я смогла не поддаться искушению и, рассказав ему обо всем, предложила остаться только друзьями. Опять же, слава богу. Потому что не представляю, как потом смогла бы с ним общаться, уже не испытывая к нему таких чувств. Но нужда Николаса пока еще слабая. Возможно, его пара еще совсем маленькая, либо еще не совсем созрела для создания семьи, но она уже в нем нуждается. Вот пока и все.

Неожиданно он опустил передо мной на колени и, взяв мои руки в свои, спросил с дикой, неприкрытой жадной исполнением заветной мечты и надеждой в глазах, хриплым голосом, полным муки:

— Скажи мне, что ты не врешь, и это, действительно, правда. Скажи, что у меня есть надежда ее найти и вернуть. Ну, скажи же мне!!! И где мне ее искать, даже если это неправда.

Освободив свою руку, погладила его по голове и провела ладонью по мужской щеке, вытирая одинокую слезу:

— Все, что я сказала, правда. Так я чувствую, и ты должен верить мне. Только где искать, не знаю. Когда придет подсказка, скажу. Я просто чувствую ее нужду, а вот ее адрес мне подсказать забыли. Но ведь она вер, а значит, и места ее обитания ограничены, и количество всех веров не такое большое, как людей.

Он резко вскочил и подошел к карте, висевшей на стене рядом со столом.

— И куда, как ты думаешь, мне ехать? Европа, Африка, а может, Северная Америка?

Меня от последнего слова будто током прошибло. Я резко дернулась, пытаюсь восстановить сердцебиение, и прохрипела в ответ на его тревожное ожидание:

— Нам придется поехать в Америку, отец. Она немаленькая, и поиски могут затянуться, так что, Коннор, я думаю, заменит тебя на высоком посту, пока мы Америку шерстить будем.

Он, подскочив ко мне, схватил в охапку и закружил по комнате:

— Спасибо, спасибо, господи, что привел ее ко мне и даровал надежду. — потом остановился и, усмехаясь, проворчал: — Входите уже, а то вы там, наверное, дыру в двери протерли, подслушивая.

Вслед за его словами в комнату вошли встревоженные Николас, Коннор и Изабель.

— Так, похоже, отсутствие моих внуков говорит о том, что они опять на поиски приключений отправились, и твоя сегодняшняя наука их не вразумила, — усмехнулся Рэнулф и уже серьезно добавил: — Послезавтра на совете я признаю Милану и передам тебе права главы клана, Коннор. Пришло твое время, сынок. Тебе, Изабель, я буду благодарен за Милану, пока не стану пеплом.

— Я еду с вами, тебе потребуется помощь. — твердо сказал Ник, выступив вперед.

— Нет! — резко ответил Рэнулф.

— Да! — почувствовав прилив его нужды, выпалила я, — оба недоуменно посмотрели на меня, а я пояснила, обращаясь к Рэнулфу: — Он должен ехать, я чувствую, что его нужда и твоя связаны, не знаю как, но это так, и он поедет с нами, — подойдя к Нику, печально посмотрела на него, опасаясь сейчас потерять друга, выдохнула: — Прости меня, Ник, что сразу не сказала, она еще нечеткая, твоя нужда, но я все тогда Изабель рассказала, после случившегося на яхте... Я думала, она тебе сама передаст.

— Мне жаль, что это не ты, — он сгреб меня в охапку и, зарывшись в волосы,

пробормотал, — но я счастлив, что не придется ждать, как, например, главе клана Морруа. Вот Тьерри побил все рекорды неудачников, прожив тысячу двести лет, так и не встретив свою половину. Хотя у него такой характер, что даже приближенные боятся его до дрожи в коленках. Ну что ж, у нас есть пара дней, чтобы собраться в дорогу. Так что давайте расходиться, отдохнем и завтра на свежую голову подумаем, что делать дальше.

И опять я прислушивалась к своим ощущениям, опасаясь поверить. А тем временем, все еще ошарашенные Изабель и Коннор молча покинули комнату. Я поцеловала на прощание обоих Макгрантов и вприпрыжку кинулась к себе. За мной шел хохочущий Николас. Уже засыпая, поняла, насколько сейчас счастлива. Болото печали и страданий после смерти моих родных, по которому я так долго брела, наконец, закончилось.

Спускаясь на завтрак, услышала разговор. И хотя подслушивать нехорошо, я замерла на ступенях, припомнив, как вчера Рэнулф усек своих родичей за дверью. Хорошо слышался его раздраженный голос и вкрадчивый — Хавьера, который сейчас взял инициативу на себя:

— Макгрант, я хорошо тебя знаю, неужели ты поверил этой девочке? Ведь она элементарно может ошибаться, а ты будешь выглядеть простаком в глазах всех веров, погнавшись за призрачной надеждой по всему свету.

— Нет, Отерро, тебе меня не понять, потому что ты сейчас вернешься домой и сможешь обнять свою Люсию. Тебе не понять, каково это приехать домой и пропускать сквозь пальцы прах своей любимой. Ты не сможешь понять, каково это — хоронить полуистлевшие тела своих дочерей. И сознавать, что пока ты участвовал в глупых мужских играх, кто-то жестоко издевался и убивал тех, кого ты любишь больше жизни и кого так подвел, не защитив и практически бросив на растерзание этим монстрам. Тебе не понять каково это — век за веком проживать каждый день и помнить обо всем, чувствуя, как внутри умирает душа, разодранная в клочья. И вот приходит она и дарит то, что ты так долго ждал и никогда не надеялся получить вновь. Надежду! Надежду все исправить и начать все заново. Даже ради такой призрачной надежды я на карачках не только Америку, но и всю планету облажу. И мне абсолютно плевать, как буду при этом выглядеть. И еще, хочу тебе напомнить, если ты забыл, Хавьер, что все двадцать две полукровки обладали даром, из-за которого многих и погубили. Так почему ты так уверен, что ее дар не может заключаться в том, чтобы находить пары. Ты вдумайся, как это многим из нас облегчит существование. Как только мы найдем Мэйдию, Милана станет сенсацией. Существом для поклонения. Да к ней записываться начнут на годы вперед, чтобы и другим помогла. Скольких она сможет осчастливить, заменить нынешнее пресное существование, подарив смысл жизни. Подумай об этом!

Хавьер практически проорал в ответ:

— Ты прав, прости, не могу в полной мере понять, что ты пережил, но ведь я тоже многих хоронил и терял. Но и ты пойми, ведь ты последний из моих друзей и я дорожу тобой. Уже два месяца ходят слухи, что весь клан Морруа поднят на уши, они ищут кого-то. Ночью мне доложили, что Жак в компании еще десяти их лучших бойцов прибыл в Эдинбург. Я не верю в случайности, Макгрант. И то, что ваш клан в данный момент напоминает растревоженный муравейник, который находится на осадном положении, и твое неожиданное решение ее удочерить, и мое пребывание здесь как свидетеля, говорят о многом. Теперь я уверен, что Морруа охотятся за ней. Судя по тому, что она с ними практически не пересекалась и вряд ли успела перейти дорогу, то она пара кого-то из них. И если за ней гоняется по всему миру сам Жак, это значит, он преследует либо свои интересы, либо своего главы. Сам знаешь, чем это вам грозит. Я надеюсь, ты еще не забыл, кто такие Морруа. И помнишь, что лучших убийц и бойцов нет ни в одном другом клане. Тьерри лично готовит лучших из них, и сейчас они на вашей территории. Я не думаю, что даже такой дар как у нее, стоит жизни твоих людей.

Его прервал уверенный и твердый голос Рэнулфа, от которого мне стало чуть легче дышать.

— Отерро, я знал Тьерри еще двенадцатилетним мальчишкой и помог ему выжить, он никогда не забудет этого. Я всегда был на его стороне и в свое время поддержал его

притязания на титул главы кланов. Больше чем уверен, в открытое противостояние со мной он вступать не будет. Особенно после того, как официально признаю Милану своей дочерью. В дальнейшем она сама сможет выбрать пару, и наш клан не будет ответственен за ее выбор, станет свободной, но под нашей защитой и закона кланов. Морруа уже ничего не сможет сделать. Нам надо продержаться всего пару дней до совета.

Они резко замолчали, а потом открылась дверь и выглянул Рэнульф, позади которого стоял Отерро, оба молча смотрели на меня. Я вытерла предательски пролившиеся слезы и, развернувшись, пошла к себе. Счастье опять помахало мне ручкой. Зайдя в комнату, упала на кровать и, свернувшись клубочком, заплакала. Да, сначала плакала, что слишком свободна и совсем одна, а теперь, что не свободна и чересчур не одна. Через полчаса ко мне заглянула Изабель. Она легла рядом и проворчала в потолок:

— Ох уж эти мужчины, сначала наворотят дел, а женщины потом расхлебывают. Милана, ты не переживай за нас, ладно? Мы бы в совершенно безнадежное дело не ввязывались. Тем более ради безразличного нам человека. Ты же понимаешь? Не волнуйся, вместе мы со всем справимся. Особенно сейчас, когда, благодаря тебе, наконец, глава проснулся и заново жить начинает. И Ник надежду обрел. И вообще, давай завтра шоппинг устроим, нервы подлечим и к совету надо что-нибудь подобрать сногшибательное. Люблю Коннора своими нарядами шокировать, он так весело ревнует, закачаешься. Надо только мужчин предупредить, чтобы они нам охрану подготовили заранее, а то потом вообще никуда не пустят.

Я повернулась к ней и спросила:

— Изабель, скажи, а этот Тьерри, он какой?

Она, помолчав, с тяжелым вздохом ответила:

— Я видела его раз десять, не больше, но и этого хватило. Он очень высокий, крупнее многих, с обезображенным лицом. Это, скорее всего, следы от серебра, я так думаю, свекор молчит и правды не говорит, хотя знает, откуда шрамы. Он чудовищно сильный, недаром уже в четыреста отвоевал свой трон, но он еще и умный, зараза, потому что правит более семисот лет, и никто его свалить не может, и с каждым годом становится все меньше самоубийц, желающих бросить вызов. Вообще, от него такая мощная аура исходит, что даже если не хочешь, голову склонишь и позорно шею подставишь, преклоняясь перед ним. Он жестокий как дьявол и холодный как айсберг. Никого не любит и дорожит только тремя верами: Жаком, Полем и Рене. Жак — его правая рука и абсолютно неуправляемый тип. Короче, все Морруа — это темные личности, которым не стоит переходить дорожку. Но одно я точно знаю, Тьерри блюдет свою честь как ни один другой вер. Никогда не предаст и оплатит за добро. И еще обязан жизнью Рэнулфу. Но я уверена, что он найдет способ обойти все подводные рифы, чтобы добраться до того, что ему нужно. Так что нам надо быть начеку.

Я слушала, затаив дыхание, будто страшную сказку. Но на душе странным образом после этого разговора стало легко.

Шопинг — это здорово!!! Особенно с Изабель. Мы скупили половину магазина нижнего белья, потом — пару десятков пар обуви, а затем пошли выбирать себе платья для представления меня совету. Вообще, выбирать с Изабель одежду очень непросто. Для нее не существует стереотипов, авторитетов, и слово 'мода' отсутствует в ее словаре. Но при этом она элегантная, стильно выглядящая очаровательная женщина, которую многие в восторге провожают взглядом, нарываясь при этом на жесткий взгляд целой толпы сопровождающих ее мужчин клана.

Освободившись от многочисленных покупок, в сопровождении наших телохранителей мы отправились в кафе подкрепиться, чтобы восстановить силы для второй части шопинга. Сидя в кафе и наслаждаясь мягким вкусом латте, я с интересом слушала Изабель, которая рассказывала о своем детстве, молодости, и других событиях довольно длинной жизни. Представляя Изабель в образе средневековой дамы из купеческого сословия, я с живым интересом, слушала историю ее знакомства с Коннором. Как ее, уже стопятидесятилетнюю волчицу, похитил из поместья на севере Англии, принадлежавшего семье Изабель, шотландский оборотень, возраст которого к тому моменту перевалил пятисотлетний рубеж. Эта история с приключениями и зарождающимися отношениями привела меня в неописуемый восторг, как шедевр любовного и приключенческого романа. Изабель с Трентом смеялись надо мной, словно над маленьким ребенком, который все время требует новую сказку.

Только через пару часов мы, наконец, закончили с рассказами и пищей и уже готовы были отправиться покорять новые магазины, как неожиданно все мои спутники одновременно напряглись и настороженно уставились на входную дверь кафе. Причем все мужчины, встав со своих мест, заняли защищающую нас позицию. Я почувствовала неуловимо знакомый, темный, пугающий аромат, от которого все волоски на теле поднялись как по команде. Вслед за этим в поле нашего зрения появились трое мужчин-веров. Теперь мое новое переродившееся обоняние без труда узнавало легкий звериный аромат, который источали тела оборотней. Узнав мужчину, стоявшего впереди двух других, я напряглась еще больше, испугавшись дальнейшего развития ситуации.

Жак, презрительно прищурив черные глаза, вплотную подошел к нашим телохранителям и, потянув носом, игнорируя мужчин, обратился к Изабель, в тоже время пристально поглядывая на меня:

— Приветствую вас, леди Макгрант. Клан Морруа требует передачи этой женщины нам. Я надеюсь, вы понимаете, что она в любом случае станет Морруа. Я предлагаю сделать это более... хм... безопасно для вас и не столь обременительно для нас.

Изабель ощетинулась, зашипев словно рассерженная кошка:

— По какому праву, Жак Морруа, ты обозначаешь дочь Макгрантов вашей собственностью? И мне интересно, последние два месяца, Жак, ты словно бродячий пес, таскаешься по всему миру в ее поисках для себя или для своего хозяина?

Жак потемнел лицом и впился в нее своими мертвыми глазами, от чего по спине побежал холодок, и я безотчетно положила руку на плечо своей подруги, пытаясь ее успокоить. Заметив это движение, Жак перевел внимание на меня. При этом его взгляд чуть потеплел — из него ушел убийственный холод. Голос, каким он обратился ко мне, приобрел

мягкие обволакивающие нотки:

— Я вижу, наша девочка имеет более ясную и разумную голову, чем вы, леди Изабель. Это меня радует! Ваши слова, вам я прощаю как женщине. Но не забывайте, Изабель, что перед вашим кланом долг чести имеет только Тьерри, а ко мне лично ни в коей мере не относится. Насколько помню, у вас два еще таких молодых сына имеются, да и муж в самом расцвете сил. И если бы я хоть на секунду предположил, что подобные слова вам в голову вложил кто-нибудь из них, боюсь, вы бы недосчитались кого-нибудь из них. А возможно, и всех сразу. — Смысл сказанного совсем не вязался с тоном, каким он откровенно угрожал.

— Я уже выросла из пеленок, Жак, и пока еще не настолько стара, чтобы не отвечать за свои слова. — Изабель, побледнев, гордо вскинула голову. — А на твои угрозы могу ответить следующее. Любой, кто посягнет на жизнь моих близких, рискует получить врага в моем лице. И мне интересно, насколько вырастет слава того мужчины, которому придется сражаться с женщиной.

Изабель взяла меня за руку и, обойдя темную троицу, двинулась к выходу. Проходя мимо Жака, я украдкой посмотрела на него. Странно, почему если это моя судьба и половина, ничего к нему не чувствую кроме страха. Заметив взгляд, он схватил меня за руку и, удерживая в дверях, прорычал, явно теряя терпение:

— Послушай меня, девчонка, тебя так долго ждали и искали! Хватит бегать уже, ты только принесешь им неприятности. Пошли со мной, и ты получишь все, что пожелаешь. Весь мир встанет перед тобой на колени.

Сначала испугалась жесткой хватки, потом — его слов, а затем меня накрыла его нужда. Я как будто в холодный омут с головой нырнула. Согнувшись, пополам от ощущения будто пнули в живот, я попыталась вдохнуть, а главное, осознала, что Жак не моя половина. И в данный момент чувствую чью-то нужду в нем, причем настолько острую, что она причиняет нестерпимую боль. Похоже, та, что является половиной Жака, очень сильно страдает и не только психологически. Абстрагировавшись от чужой тоски и боли, услышала жуткое рычание и нецензурную речь на английском и французском языках. Наконец открыла глаза и поняла, что нахожусь на руках у Трента. Французы отеснены в сторону от выхода и едва сдерживают ярость. Только присутствие в общественном месте, наполненном людьми, спасло всю нашу компанию от немедленной драки и перевоплощения. Подняв глаза, заметила встревоженный взгляд Жака, удерживающего на весу Калеба, который пытался разомкнуть стальные когти у себя на шее, из-под которых на его белоснежную рубашку текла кровь. Уже зная о чрезвычайной неуязвимости оборотней, пугаться за него не стала. Тяжело вздохнув, еще раз оглядела всю 'честную компанию' и попросила:

— Со мной все в порядке, Трент, можешь поставить на ноги. — повернувшись к Изабель, пояснила, — кстати, Изабель, могу ответить на твой вопрос. Жак не моя половина. Но его находится сейчас в жуткой ситуации, я почувствовала ее боль, и это что-то страшное. А где ее искать, не знаю, придется ждать подсказок. — боже, ну зачем мне все это?

Я вытерла слезы беспомощности и полного бессилия от того, что не могла помочь незнакомой женщине. Трент, слушая меня, методично двигал в сторону от конкурирующего клана, не забывая при этом присматривать за Изабель. Скоро вся наша компания удалилась от кафе и шокированных нашим поведением людей, но от незримого сопровождения Жака и его спутников мы не избавились. Спиной чувствовала тяжелые взгляды и терпкий аромат.

Я попросилась в туалет и после его тщательной проверки, нас туда отпустили вдвоем. Хотя я бы не удивилась, если бы нам пришлось справлять естественные надобности под

присмотром наших телохранителей, стоило только взглянуть на их хмурые и напряженные лица.

Закончив свои дела и выйдя из кабинки, застыла при виде открывшейся мне картины. Яркий высокий блондин зажимает рукой рот Изабель, второй рукой твердо сдерживая ее отчаянные попытки освободиться. Другой мужчина, которого в Москве Ник обозначил как Поля, контролирует выход. А прямо надо мной навис Жак, насмешливо глядя в глаза. Только я собралась открыть рот, чтобы во всеуслышание объявить о наших с Изабель проблемах, как Жак качнул головой и, сделав шаг навстречу, приложил к моим губам палец и тихо прошептал:

— Ты же не хочешь, чтобы мы причинили вред твоим друзьям! Будь хорошей девочкой, твоя судьба уже решена. Ты и так слишком долго бегала, уклоняясь от нее, — более чем убедительно, чтобы передумать звать на помощь.

Я в панике посмотрела в глаза Изабель, которая, увидев мои сомнения, усилила сопротивление, напоминая сейчас скорее дикую кошку, чем волчицу. Незаметно приблизившийся Поль, приложил к ее лицу влажную тряпку и через несколько секунд ее словно безвольную куклу уложили на пол, затем настала моя очередь. В ужасе смотрела за их действиями. Неприятный запах проник в легкие, и сознание медленно сползало в темноту, но все же успела заметить, с какой осторожностью мужчины вытащили меня через окно, передавая друг другу, и, спустив по пожарной лестнице, положили в машину, припаркованную в переулке. После этого отключилась полностью. "Да будет свет!" — сказал монтер, обрезав провода!

Глава 11

Открыв глаза и пытаясь размять затекшие мышцы, медленно села и настороженно огляделась. Небольшая комната со скругленными окнами, сижу на кровати, кроме которой здесь два необычных кресла и откидной столик, небольшой узкий комод. Через минуту, по характерному гулу и давлению в ушах, до меня дошло, что лечу в самолете. Точнее, в бизнес-джете, которыми летают весьма богатые люди. Нечто похожее я уже видела, когда летела с Ником в Эдинбург. Однако в данный момент мне не радовало. И куда же меня везут с таким комфортом?

Внимательно осматривая помещение, почувствовала странный аромат, который забивался в нос и в каждую пору моего тела, вызывая безотчетную тревогу и возбуждение. Казалось, обволакивая, он каким-то образом меняет меня, будоража чувства и обостряя восприятие окружающего. Глубоко вдохнув его всей грудью, неожиданно поняла, что этот аромат мне чересчур нравится, и в этот момент заметила две двери, расположенные в разных концах салона. Приоткрыв одну из них, обнаружила санузел, которым поспешила воспользоваться.

Умывшись, окончательно разогнала туман в голове. Кое-как заплела растрепавшиеся волосы в косу и поправила черное трикотажное платье. Тихонько подкралась к другой двери, чуть-чуть постояла, набираясь храбрости, и приоткрыла. В небольшом салоне в креслах сидели Жак и, по меньшей мере, еще с десятков веров. Их вид внушал такие же чувства, как банка с потревоженными скорпионами. Они тут же синхронно уставились на меня. Я снова медленно закрыла дверь и зажмурившись, прислонилась к ней спиной. Упираясь в дверное полотно затылком.

Чувствуя, что от страха забыла дышать, сделала глубокий вдох, пытаясь обрести хоть капельку спокойствия. В этот момент в нос ударил уже знакомый чарующий аромат, от интенсивности которого волнующая дрожь волной побежала по моему телу. Открыв глаза, я уставилась в широкую мужскую грудь в черной хлопковой рубашке. Подняв голову, в упор посмотрела в лицо обладателя такой широкой и мощной груди. Огромный, не меньше двух метров, потому что моя макушка едва достает до его ключиц. Черные блестящие волосы и такие же черные глаза с идеальными дугами бровей. Нос с горбинкой и тонкие, но четко очерченные жесткие губы, которые вряд ли когда-нибудь улыбались. Твердый, синеватый от щетины подбородок, выдающий упрямый и волевой характер своего обладателя. Лицо не красавчика, но весьма привлекательного мужчины, если бы не одно но! Шрамы от ожогов покрывали всю правую сторону его лица, затрагивая часть лба, рассекая бровь и уничтожив часть волос возле виска. Изуродованный внешний угол правого глаза скашивал красивый разрез. Практически вся щека и часть подбородка обезображены сморщившейся обожженной кожей. Шея закрыта черным шелковым платком. Опустив взгляд, я заметила, что руки тоже повреждены. Причем, если правую полностью покрывали глубокие рубцы, то на левой — ладонь и большой палец.

Я даже в страшном сне не могла представить, какую боль мог испытывать этот мужчина, когда получил такие страшные увечья. Снова задрал голову, неожиданно для самой себя спросила:

— А разве у оборотней могут быть шрамы? Я думала, все само собой заживает или

восстанавливается.

Усмешка коснулась его глаз, но не лица, когда он решил ответить:

— Могут, если нанести их серебром до полового созревания, пока не прошло объединение.

— Боже, как такую боль можно было вынести, да еще в детстве? — содрогнулась от мысли, что эти повреждения он получил будучи совсем ребенком.

Он, подняв руку, мягко коснулся моей щеки, от чего у меня по всему телу растеклось приятное тепло. Потом снова раздался его глубокий рычащий бас. Да, при таком объеме грудной клетки, столь сильный голос не удивителен.

— Поверь мне, девочка, физическая боль не самое страшное в нашей жизни.

Я удивленно посмотрела на него и только сейчас осознала, что пару минут назад очень испугалась толпы оборотней за дверью, а сейчас стою наедине с одним из них и задаю глупые вопросы. Нервно сглотнув, отступила на пару шагов, тут же упершись в кровать. Судорожно оглянулась и, подойдя к креслам, опустила на одно из них многострадальную пятую точку, а потом, скорее всего производя впечатление не сильно упитанного кролика перед очень голодным удавом, снова решила посмотреть на него. В какой-то момент мне показалось, что ему больно, таким напряженным взглядом, он смотрел на меня. Я не выдержала и спросила:

— Кто вы такой? И зачем я вам нужна?

— Тьерри Себастьян Морруа, глава европейского совета, но самое главное, что отныне я твоя половина и твоя тень. Не бойся меня, я не причиню тебе вреда и никогда не сделаю больно.

Его пронизывающий, пристальный, убеждающий взгляд словно заглядывал глубоко в душу. Осмелев после такого обещания, задала весьма тревожащий меня вопрос:

— Мои друзья и Изабель не пострадали? Что вы с ними сделали?

— Нет, они не пострадали. Пока! — не меняя своего положения, он только чуть качнул головой, а я встревожилась.

— Что значит пока? — голос сорвался почти на рыдание.

Видя мое состояние, он сделал шаг в мою сторону, но заметив, что я снова напряглась, остановился и прохрипел, словно горло наждачной бумагой обработали:

— Не бойся меня, малышка, я не причиню вреда ни тебе, ни твоим друзьям, пока они тебе дороги!

Хм-м... последнее дополнение меня немного обнадежило.

— Ты нет, а вот Жак или другие твои не совсем люди?

— Умная девочка! — в его глазах снова блеснула усмешка, не затронувшая лица. — Не волнуйся, без моего приказа никто не посмеет причинить вред твоим друзьям. А на тебя даже голос повесить никто не посмеет, не то что дотронуться.

Совсем осмелев и даже почувствовав толику уверенности, я попросила:

— Ты знаешь, после той гадости, которой меня усыпили, до сих пор горько во рту и тошнит немного. Можно мне воды?

Все также не отрывая от меня своих глаз, он чуть громче рыкнул:

— Жак, воды!

Через пару секунд в комнату вошел Жак, при виде которого я снова растеряла всю уверенность и вжалась в кресло. Заметив мои телодвижения, он остановился и, неуверенно посмотрев на Тьерри, передал ему бокал и бутылку минералки. Тот в свою очередь, не

отпуская мой взгляд, подошел к столику и поставил все на него. Чуть помедлив (я так и не решилась протянуть руку к бутылке) он налил бокал и, подвинув его ко мне, сел в соседнее кресло. Отпив воды, я в смятении смотрела то на Тьерри, то на Жака, то на дверь, за которой скрывалось столько чужих и непонятных для меня мужчин. Жак тяжело вздохнул и, уже выходя за дверь, произнес:

— Через полчаса посадка в аэропорту. Транспорт ждет и на месте все готово.

Зябко потерев руки и не обнаружив на пальце кольца Макгрантов, потерянно посмотрела на Тьерри:

— Я потеряла клановый перстень, как же...

— Не волнуйся, малышка, он у меня, — прервал меня Тьерри, — не беспокойся, мы вернем его, потому что теперь ты Морруа.

— А кто меня об этом спросил? — сделала попытку возразить, в глубине душе сомневаясь, что могу что-то изменить, но все-таки, — я тебя впервые вижу, похитили, погрузили в самолет, куда-то везете. Я могу знать куда?

— Не впервые, мы уже встречались. В Берлине.

— Выходит, в отеле именно ты бросился обратно к лифту? — решила уточнить.

— Да, — едва уловимая тень досады, — но ты невероятным образом ускользнула. Надолго.

— Вряд ли ты мог тогда увидеть меня за спинами других гостей, уж я точно только краем глаза заметила трех высоких мужчин в темных костюмах, резко выделявшихся в толпе. И если бы потом Жак не испугал меня до полусмерти, бегая по коридорам и стоя под дверью, то вскоре бы забыла. — честно призналась, заметив, как его глаза блеснули от боли и сожаления.

— Твой аромат. Нежный, тонкий, пронзительный. Так может пахнуть только одна женщина.

— И как же нашли? — заинтересованно уставилась на него, ну уж очень любопытно стало, ведь это только я знаю, что весьма изменилась за два месяца, да Макгранты, а больше никто из веров не догадывался о существовании полукровки-одиночки.

— Ты оказалась загадкой. Ни семьи, ни клана, но и это выяснилось не сразу. Сначала никто не обратил внимания на фото девочки. Ты выглядишь иначе. — Задумчиво признал Тьерри. — А когда наконец-то вышли на тебя, ты прямо из-под носа сбежала в компании Николаса Макгранта. Мне и теперь далеко не все понятно, надеюсь, ты расскажешь о себе.

— И все-таки ты не ответил, куда мы летим, — после недолгой паузы спросила я, решив подождать с личной историей, хотя странное дело — мне стало даже как-то уютно и приятно рядом. — Надеюсь, это не секрет?

— Домой, на территорию клана Морруа, во Францию. — ответил Тьерри, подтвердив мою догадку. — Тебе обязательно понравится там. Не стоит беспокоиться, ты отнюдь не пленница.

Тем временем объявили посадку. Наша дальнейшая поездка в поместье Морруа, которое напоминало скорее средневековый замок с прилегающими к нему обширными лесными угодьями, прошла в течение томительных и полных тревог часов. И опять я ловила себя на том, что в присутствии более крупного и более устрашающего, чем остальные увиденные мной веры, Тьерри, я чувствовала себя гораздо спокойнее и безопаснее. Дальнейшие разговоры велись односложно, отрывистыми фразами, а потом я и вовсе замолчала, и с интересом крутила головой, осматривая окрестности и местные достопримечательности,

которые мы проезжали. Тьерри и Жак о чем-то тихо беседовали, поглядывая на меня.

Во дворе замка, к которому вела хорошо асфальтированная аллея, была внушительная площадка для парковки автомобилей, говорившая о том, что многочисленные гости здесь не редкость. В холле нас встретил приличный штат слуг, по запаху — все люди. Как и у Макгрантов, обслуживающим персоналом работали исключительно люди. Как говорится, не царское это дело горшки мыть! Помимо слуг со всех сторон на меня смотрели веры. Весьма угрюмые, но с неподдельным интересом рассматривающие меня. Среди оборотней насчитала всего четыре женщины-вера, которые, заметив, что я засмотрелась на них, довольно искренне улыбнулись. Но все же, увидев в первый момент такую толпу и чувствуя позади себя не меньшее количество народа, я инстинктивно прижалась к Тьерри, а потом вообще схватила его за руку и следовала с ним, ни на секунду не отрываясь. Рядом с ним находился мой островок безопасности. В какой-то момент поняла, что одной рукой держу его за рубашку, а второй — обнимаю за талию, при этом он сам властно, по-собственнически прижимает меня к себе. Сначала попыталась отстраниться, но меня только крепче обняли и, подняв голову, увидела, что он смотрит на меня.

— Я рад, что меня ты боишься гораздо меньше остальных.

Смутившись, я все-таки освободилась из его объятий, но взяла за руку, чтобы не нервничать. Смуглый брюнет с выдающимся носом, который, впрочем, его совсем не портил, и поразительно зелеными глазами, склонив голову в поклоне, хрипло сказал, с улыбкой глядя на меня, но обращаясь к Тьерри:

— Поздравляю, монсир, с добычей! Нелегкая выдалась для тебя охота. — надо же, как в средневековье к сеньору обратился.

— Приветствую вас, Милана Лисовская, отныне Морруа, первая женщина клана Морруа и хозяйка этого дома. Теперь это ваш дом, и мы искренне рады этому событию, он слишком долго стоял без хозяйки.

Тьерри нахмурился, глядя на улыбающегося мне мужчину:

— Милана, это мой троюродный кузен Рене Жан Поль Морруа. Жаловать и любить его не прошу. Более того, запрещаю.

И так странно посмотрел на Рене, что улыбка завяла на корню, и тот поспешно направился приветствовать остальных. Оглянувшись назад, я заметила, что Рене, Жак, Поль и остальные с тревогой смотрят в спину Тьерри. Не понимая причины их нервозности, я крепче сжала его руку, привалившись к нему всем телом. Я устала, очень сильно устала. Но странное дело, устала я-человек, а я-волчица хотела немного размяться и побегать. Она тоже устала, но от своей усталости хотела избавиться другим способом. Заметив мое состояние, Тьерри проводил на второй этаж в роскошные апартаменты: огромная гостиная, спальня, гардеробная и ванная поражали своими размерами, изящной, старинной мебелью, красотой интерьера, а главное, количеством нарядов, обуви и еще всякой всячины. Заметив мой недоуменный взгляд, пояснил:

— Как только мы вычислили тебя после исчезновения в Берлине и появления в Москве, выяснили твои размеры, привычки, пристрастия и заранее подготовили все необходимое на первое время. Пока сама не захочешь заняться шоппингом.

Он снова стоял и смотрел на меня, ожидая реакции, которая не заставила себя ждать:

— Тут столько одежды куплено, что с шоппингом можно не торопиться лет этак десять.

— Милана, я прожил больше тысячи лет и за это время успел собрать так много всего,

что ты спокойно можешь купить себе какую-нибудь страну ради развлечения, а уж про вещи я вообще молчу.

С удивлением посмотрела на едва наметившуюся улыбку на его лице и тоже неуверенно улыбнулась. Но все-таки ехидно заметила:

— Да куда уж с моими двадцатью пятью против твоей тысячи. — Улыбка пропала, словно дымка тумана, сменившись грустью в глазах.

— Малышка, тебя это очень беспокоит? — Я отрицательно покачала головой.

— Когда смотришь на вас, веров, то возраст — это последнее, о чем задумываешься, вернее, удивляешься, ведь глядя на тебя, видишь молодого сильного мужчину, а не тысячетлетнего оборотня.

Смутившись от собственной откровенности, пошла осматривать свои апартаменты дальше. Выглянув в окно и увидев лес, попросила, сомневаясь в правильности того, что делаю:

— Я бы хотела немного размяться в лесу. Хм-м... Ну ты меня, надеюсь, понимаешь как! Она очень хочет побегать, ноги размять.

Кивнув, Тьерри вышел и вернулся с халатом, предложив взять тоже самое и мне, направился к двери, взглядом приглашая меня за собой. Возле черного входа он начал раздеваться, а я снова смутилась, не зная, что делать. Раздеваться при нем неудобно, а наблюдать за ним — еще хуже. Он уже снял платок и рубашку, а я, замерев, смотрела на покрытую старыми рубцами и ожогами кожу на спине, плечах и руках. Идеально развитое мускулистое тело поразило своей мощью и своеобразной мужской красотой. А шрамы? В конце концов, не зря же говорят, что шрамы только украшают мужчину.

Снова забыв обо всех приличиях, я жадно рассматривала его голый торс и только через минуту поняла, что он с таким же интересом следит за моей реакцией на его шрамы. Покраснев, сглотнув и потоптавшись под его немигающим взглядом, решительно подошла к нему и, прилагая титанические усилия, развернула его спиной к себе. Потом быстро раздевшись, обратилась к Милке, отключившись от окружающей действительности.

Через секунду мы с ней слились в единое целое, и она, снова практически захватив мое сознание, ринулась в лес, радостно повизгивая. Услышав позади сопение и обернувшись, увидела черного волка, шерсть которого местами покрыта сединой, словно ожоги на теле человека. Волк Тьерри оказался огромным, и весь его вид внушал страх и уважение. Сев на землю, я с восхищением смотрела на приближение этого мощного, свирепого чуда природы, которое двигалось с непередаваемой грацией большого зверя. Подбежав, осторожно скользнул мордой мне по уху и легонько прикусил холку. Я напряглась вместе с Милкой, но странное возбуждение, волной разлившееся по всему телу от этого укуса, вызвало удивление и жаркое томление внизу живота. Хорошо, волки не краснеют. Потом, рыкнув, снова бросилась наутек. Так мы и носились часа два по лесу, иногда затевая детские игры. Иногда к нам пытались присоединиться другие волки, но, встречая угрожающий рык Тьерри, спешили удалиться. Вернувшись в замок приятно утомленная, легла немного передохнуть перед ужином и не заметила как уснула.

Удивительно, но сегодня меня не мучили ночные кошмары, наполненные страхом и отчаяньем, преследовавшие последние пару месяцев.

Положив в тарелку здоровый кусок поджаренного мяса и овощей, я с удовольствием приступила к еде, исподлобья наблюдая за остальными. Вчерашний ужин, а также половину сегодняшнего дня я проспала. И вот теперь, сидя за огромным столом и пополняя свои растроченные полностью резервы, уже второй раз наполнила тарелку едой и, активно работая челюстями, не забывала удовлетворять свое любопытство. За столом я сидела рядом с Тьерри, напротив расположились Жак с Полем, еще три места занимали Рене и двое ранее не виденных мною мужчин. Их представили как братьев Тарика и Амина Кар Аб Дан. Эти двое мужчин арабского типа внешности нервировали больше, чем остальные Морруа.

Оборотни из клана в Марокко, с черными немигающими глазами, напоминающими взгляд кобры во время охоты. Тарик является членом европейского совета, а его брат — правой рукой их отца, главы клана, и сюда они прибыли, чтобы обсудить с Тьерри некоторые свои проблемы. Когда им представляли меня, с трудом заставила себя выйти из-за широкой спины Тьерри и вымученно улыбнуться, слегка кивнув головой, а теперь еще и ужинать в их обществе приходится. Бр-р-р. Хотя сутки без еды положительным образом сказались на моем аппетите, и он не пострадал от неприятных гостей.

Они мало обсуждали за столом свои дела, но я поняла, что наши территории граничат на юге, и гости являются давними союзниками. Сейчас другой клан претендует на часть их северных территорий и нагло лезет в их коммерческие дела. Но главное, они получили неопровержимые доказательства того, что давний враг клана Морруа и лично Тьерри, Фабиус Де Лавернье жив и здоров, обосновался в Бразилии и сейчас готовится нанести удар по Морруа. Услышав эту новость, все Морруа за столом замолчали и выжидающе уставились на Тьерри. От вида его горящих ненавистью глаз мне стало страшно. Он побледнел и прорычал:

— Благодарю вас за информацию, Тарик, я в долгу не останусь. Рене, займешься решением их земельных территорий. Через трое суток их проблема должна быть решена, каким образом — на твое усмотрение. Ты, Поль, полетишь в Бразилию, соберешь всю информацию по Фабиусу и доложишь мне. По этому вопросу все решения принимаю я лично. Ты меня понял?

Проглотив последний влезший в меня кусок, запила все вином и неожиданно, при упоминании Бразилии, почувствовала боль в груди. ЕЕ Нужда зашевелилась и подала знак! Я в шоке уставилась на Жака. Он, не замечая моего взгляда, спросил:

— Тьерри, почему я не могу заняться этой проблемой? Считаю, что в Южную Америку должен ехать я!

— Нет, ты останешься со мной, а поедет Поль. Я так сказал! — прошипел Тьерри, раздувая ноздри.

— Должен поехать Жак, там его ждут. Очень ждут! — пытаюсь унять чужую боль, сдавившую грудь, глухо сказала я, морщась от неприятных ощущений. — И ей все хуже, я даже не могу отстраниться от ее боли. — глубоко вздохнула и, наконец отделив от себя чужие чувства, пришла в себя. Подняв голову, заметила, что теперь все в шоке смотрят на меня, в том числе и Тьерри.

— О чем ты говоришь, родная моя? — он наклонился ко мне и, взяв за руку, пристально

вглядываясь в глаза.

Потерла виски, потому что начала болеть голова, и устало рассказала про то, что чувствую, когда проявляется чья-то нужда. Все с самого начала, еще со школы. А потом закончила словами:

— Просто поверьте, что это правда и должен поехать Жак. Мне еще в кафе в Эдинбурге плохо стало, когда он меня за руку взял, а сейчас еще хуже. Значит ей совсем плохо, обычно я не чувствую боль, только напряжение и зов, а сейчас ее боль просто разрывает все внутри. Он должен поторопиться.

Тьерри вопросительно посмотрел на бледного Жака, и тот утвердительно кивнул.

— Да, я схватил ее за руку, пытаюсь убедить пойти с нами добровольно, но она вдруг побледнела, а потом вообще сознание потеряла. Я думал, ей от страха плохо стало. Почему ты мне тогда не рассказала? — отчаянно спросил он, повернувшись ко мне.

Устало откинувшись на спинку стула, ответила:

— Ты не понимаешь природы моего дара. Я только чувствую, что в тебе нуждаются, ну то есть, у тебя появилась возможность получить вторую половинку, когда она готова тебя принять и начинает в тебе нуждаться. Понимаешь? Но я не могу сказать тебе точного адреса или места, где ее найти. Мне приходится ждать подсказок, вот как сейчас с Бразилией вышло. Я теперь точно уверена, что твоя половина находится в Бразилии и она как-то связана с вашим общим врагом, она там невыносимо страдает, и если поедешь туда, значит найдешь. — Еще раз глубоко вздохнув, все же заметила. — Надеюсь, она еще будет жива к тому моменту.

Жак в ужасе сначала посмотрел на меня, потом на Тьерри, который задумчиво рассматривал стол.

— Хорошо, Жак, возьми лучший отряд и можешь вылетать по мере готовности.

Жак, дослушав приказ, резко поднялся и словно ангел мести вылетел вон из столовой. А Тьерри, также задумчиво проводив Жака взглядом, повернулся ко мне. Я горько усмехнулась и сказала, внутренне собравшись и подготовившись ответить на проблемные вопросы, не отрываясь глядя на клановый перстень Морруа на руке с огромным бриллиантом в обрамлении золотой вязи старинных символов, который меня убедили надеть сегодня незадолго до этой встречи:

— В Берлин я полетела, потому что почувствовала твою нужду. Там, у лифта в отеле, когда ты рванул обратно, я ее тоже почувствовала, но не поняла, кто именно из вас троих. А потом, возле моего номера в коридоре увидела Жака и так сильно испугалась, что спешно вернулась в Москву. А через месяц улетела на курорт, будто чувствуя погоню. Когда вернулась обратно, было страшно уже по другой причине, особенно после того, как выяснила, что же собой представляю, я чуть с ума тогда не сошла... Хорошо, меня Макгранты к себе забрали. Если бы они чуть раньше морально меня немного не подготовили к будущему объединению, то думаю, что сейчас бы не с вами сидела, а бегала по лесам родного государства, не в силах понять, кто я такая. Хотя вполне возможно, мне бы не повезло как в Берлине и другие веры поймали, и даже не знаю, что бы было тогда. Судя по всему, не все оборотни порядочные как Макгранты. Они меня уже два раза спасали, а я их всех чуть в конфликт не вовлекла. Но ведь я все время думала, что нужна Жаку. И не могла понять, отчего, когда он рядом, чувствую только страх, как и в офисе фирмы, где работала, когда во второй раз с ним столкнулась и опять сбежала. Интересно, почему ты сам не искал меня?

Я вопросительно уставилась на Тьерри. Он смотрел на меня горящими глазами, сжимая в руке согнутую пополам вилку.

— Я искал тебя все время, единственная моя. Но мои поиски привлекли бы слишком много внимания к твоей персоне. Я не мог подвергать тебя дополнительному риску, давая понять всем и каждому, что ты моя женщина. Слишком многие захотели бы сделать мне больно, навредив тебе. Основные поиски вел Жак, но я все время незримо следовал за ним тенью. Мы проверили всех триста участников берлинской конференции. Каждую женщину, пока не натолкнулись на твое досье и не вышли на твою фирму. А тебе все время удавалось ускользнуть.

Он печально посмотрел на меня, а я, удовлетворенная его ответом, кивнула головой и, заметив кремовые пирожные на другом конце стола, решила, что такой кондитерский шедевр мой желудок непременно обязан вместить. Встав, я чуть сдвинулась в сторону и, подхватив пару пирожных, приступила к их поглощению. В этот момент ко мне подошли братья Кар Аб Дан и с отчаянной надеждой в глазах, спросили:

— Подобный дар впервые проявился в нашей истории, это прибавит веса клану Морруа. Вы через прикосновение чувствуете чужую подругу? Или близкий контакт не обязателен?

Торопливо проглотив остатки пирожного и запив его водой, осторожно ответила, на всякий случай делая шаг назад:

— В первый раз надо дотронуться, потом, как получится.

Тарик, резко протянув руку, схватил меня за запястье. В следующую секунду раздался жуткий рев и, обернувшись, увидела совсем рядом Тьерри, лицо которого от бешенства, пылающего в глазах, уже частично прошло трансформацию и выглядело ужасающе. Он схватил руку марокканца и, оторвав ее от моей, чуть не вырвал из плечевого сустава, заставив Тарика упасть на колени перед собой.

— Моя! Вы слышите, она только моя, никто не смеет к ней прикасаться кроме меня. Моя!

Его рев наверное по всему замку раздавался, и сейчас я видела, с каким трудом он пытается удержаться и не разорвать горло опрометчиво прикоснувшегося ко мне Тарика, который, не шевелясь и склонив голову на бок, покорно подставляя шею, молча ждал решения своей участи. Его брат Амин в тяжелом напряжении, словно натянутая струна, ждал развязки, не отрываясь глядя на Тьерри. Он отбросил от себя поверженного Тарика и, повернувшись в мою сторону, не сразу понял, где я нахожусь. Потом, осторожно подняв скатерть, заглянул под стол. Я заметила, что сейчас он снова выглядит по-человечески и с немым вопросом смотрит на меня, согнувшись в три погибели. Почувствовав неловкость, я пробормотала, демонстрируя ему вилку:

— Я тут вилку искала. Что поделаешь, вилки иногда имеют обыкновение падать.

Вылезла из-под стола и, покраснев, присела на стул, заметив, что остальные пристально наблюдают за Тьерри, словно за неразорвавшимся снарядом. Братья, принеся извинения, быстро удалились, сопровождаемые его тяжелым взглядом. Оставшаяся часть вечера прошла в напряжении, и, недолго помаявшись, ушла к себе.

Глава 13

Я пыталась уснуть, но ничего не вышло, из-за не проходившего ощущения тревоги и беспокойства. Бесцельно пометавшись по комнате, застыла возле окна, всматриваясь в ночные тени. Почувствовала, что за дверью находится Тьерри. Прислушалась — тишина, но его такой притягательный аромат вражеским диверсантом пробирался ко мне, наводя хаос и беспорядок в мыслях и чувствах. Он оказался первым мужчиной, на которого реагировало мое проснувшееся либидо, причем сейчас, незамутненный первой трансформацией рассудок полностью контролировал ситуацию. И я честно призналась себе, что хочу его. Хочу только его и никого больше. Ни его шрамы, ни жуткий нрав не пугают меня. Рядом с ним я чувствую себя прекраснее всех, лучше и нужнее всех. Единственной! И самое удивительное, что тоже самое можно сказать о нем. Глядя на него, я восхищалась им и удивлялась ему. Беспокоил лишь факт предопределения. Неужели он стремится быть со мной только потому, что его заставляет парный инстинкт? Да, им-то легко следовать своим инстинктам и верить им. Но я меньше месяца вер, и до сих пор многие их привычки, повадки и правила шокируют. Ведь я выросла и воспитана на человеческих правилах и ценностях. Да и вообще, тяжело за такой короткий срок поверить кому-то настолько, чтобы отдать ему себя. Ведь это не человеческий союз, где не понравилось — расстались или развелись, и все проблемы решены. Это на всю жизнь, которая может продлиться очень долго. Даже то обстоятельство, что между нами огромная разница в возрасте, давил. Ведь я не столь умна, как он, не так много видела, не имею столько опыта и знаний. Да и еще одна сторона жизни очень беспокоила. Постель! Я ничего не умею, не знаю, а вдруг я ему не понравлюсь или быстро надоюм. И хотя Николас сказал, что мужчина никогда не сможет изменить своей паре в отличие от женщины, в это слабо верилось. Я настолько долго была одна, считая себя ущербной и не надеясь обрести свое семейное счастье, довольствуясь только любовью моих родных, что после их гибели душа покрылась холодной коркой льда. И вот сейчас появилась возможность обрести его, отогреть, наконец, свою душу, надо только решиться и протянуть руку, чтобы мечта осуществилась. Надо только отбросить предрассудки и страх перед неизвестным, чтобы получить этот шанс. Было так страшно, и в то же время его сегодняшняя бурная вспышка ревности и инстинкта собственника говорили в мою пользу. Я так устала чувствовать себя одинокой птицей, взирающей на бурлящую внизу жизнь, паря в холодных пустых небесах. Прислонив ладонь к прохладному окну, я тихо прошептала в темноту:

— Помоги мне, Боже, разрушить стену моего одиночества и подари мне дом, где меня будут любить и беречь.

Тяжелые раздумья прервал стук в дверь, а через мгновение в комнату вошел предмет моих тревог. Оглядев с ног до головы, предложил:

— Хочешь прогуляться со мной в лесу?

Бросив взгляд на темноту за окном, отрицательно покачала головой. Снова показалось, что он испытывает боль, глядя на меня. Еще пару мгновений он смотрел на меня, потом кивнул и вышел за дверь, унеся с собой невысказанное. Я присела на кровать и попыталась понять, что сейчас между нами произошло. Погипнотизировав дверь еще минут пять, подошла к ней и, набравшись смелости, резко открыла. Он сидел на полу передо мной, облокотившись о стену, и удивленно смотрел на меня. Потом, встав, подошел, глядя в лицо с

непередаваемой нежностью, пальцами левой не так сильно поврежденной руки ласково коснулся моей щеки. Так не может смотреть равнодушный человек! Склонив голову набок, я прижалась к его руке щекой и тихонько попросила:

— Пригласи меня в гости к себе. Очень интересно, как ты живешь.

Его глаза блеснули от неуверенной радости. Отойдя от меня на пару шагов, сделал приглашающий жест в комнату напротив моей.

Такие же апартаменты как у меня, но все выдержано в темных тонах и с более прочной крупной мебелью. Неудивительно, с такими-то габаритами. Осматриваясь, я прошла по комнатам, интересуясь малейшими деталями, чтобы лучше узнать мужчину, предназначенного мне самой судьбой. Замерла возле стола, заметив стопку моих фотографий, — не ожидала, удивленно оглянувшись, увидела, что он стоит за спиной.

Подойдя вплотную, Тьерри начал осторожно поглаживать мои плечи, потом руки. Затем, легонько прижав к себе, склонился, зарывшись в волосы и шумно вдыхая мой запах. По телу побежали довольные мурашки. Спиной почувствовав, насколько велико его возбуждение, и, ощущая то же самое, решила отпустить ситуацию в самостоятельное плавание. Слишком велико было искушение, а я так долго была девственницей, и прямо сейчас хотела испытать, какого это: чувствовать себя настолько желанной и такой нужной, да что там... единственной.

Я повернулась к нему и подняла голову, всматриваясь в его горящие огнем желания глаза. Обхватив мое лицо руками, он большими пальцами начал нежно поглаживать скулы, щеки, а потом спустился к губам. От прикосновений и жара, исходящего от потрясающего мужского тела, я медленно плавилась. Внизу живота разгорался пожар. Ноги подкашивались, и я схватилась за его рубашку, пытаюсь удержаться. Когда наши губы встретились, показалось, что меня ударило током. Такие ласковые и нежные в начале, его губы вскоре сминали и полностью поглощали мои, требуя, покоряя, заставляя повиноваться. Такой вкусный, такой нежный и такой сильный — лучшее сочетание для первого поцелуя. Голова перестала работать, остались лишь чувства и эмоции, которые с каждой секундой все нарастали. Я начала задыхаться, и он, освободив мои губы, принялся целовать, покусывать и облизывать мои шею и ухо, от чего я застонала запрокинув голову, ошеломленно заглядывая в почерневшие глаза, в которых плескалась нежность. Выгнулась и сильнее прижалась к Тьерри, жаждая одного — физической близости. Пришло время отдаться давно сдерживаемым желаниям.

Я ощущала, как вожделение кричит в каждой клеточке истосковавшегося тела. Обняла его плечи и стала их гладить, прижавшись к широкой груди. Подхватив меня за ягодицы, Тьерри плавно переместился к кровати, аккуратно уложил, не переставая ласкать мое тело. Легкие покусывания привели меня в исступление, и я словно дикая кошка попыталась содрать с него рубашку, чтобы оказаться как можно ближе. Одним резким движением сорвав ее с себя, он также, не медля ни секунды, разделался моим с платьем и нижним бельем. Обведя мое обнаженное тело восторженным, замутненным желанием взглядом, с довольным рыком принялся изучать его, а мне пришло в голову, что после сегодняшней ночи на теле не останется ни единого кусочка, который бы не узнал ласк Тьерри. Его губы перебежали с возбужденной груди на живот и обратно, и снова возвращались к моим губам, горя страстным желанием. Я громко стонала в особо острые моменты, вцепившись в него, и так же, как и он, изучала его тело. Он довел меня до первого в жизни оргазма легко и быстро, а потом раздвинул коленом мои ноги, лег между бедер и положил обе руки на грудь. Тяжело

дыша, он на мгновение замер и торжественно взглянул в мои глаза.

— Как же долго я ждал тебя! Никогда еще я так не желал женщину...

Я ощутила себя существом на краешке восхитительного переживания, трепеща в его сильных руках. В затуманенном мозгу возникла мысль о том, что должна сказать ему одну вещь...

— Тьерри, — прошептала я, — мне нужно тебе сказать...

— Потом, — перебил он. — Все потом, кроме этого...

Он резко дернулся и ворвался в меня. Я приглушенно вскрикнула от пронзившей боли, горячей волной прокатившейся от низа живота. Ощущение, что меня порвали пополам, заставило выгнуться и закричать. Руки, которые секунду назад ласкали, теперь неистово пытались оттолкнуть его, а он в полном ступоре застыл и в ужасе посмотрел на меня.

— О Боже! — прохрипел, замерев, Тьерри, с неподдельным изумлением вглядываясь в мои глаза, полные слез боли и страдания. Потом, прижав лицо к моей шее, хрипло зашептал, — Силы небесные, почему ты не сказала мне! Я был бы более осторожен и терпелив. Такая тесная, маленькая и такая жаркая. Моя! Моя! Только Моя! Прости меня, маленькая моя, прости за боль.

— Отпусти меня, — прошептала, тщетно пытаясь высвободиться из его объятий.

На лице Тьерри отразилось напряжение борющихся в нем чувств.

— Не могу, — простонал он. — Не могу... Но постараюсь сделать тебе приятно, любовь моя... Клянусь, что теперь тебе всегда будет только хорошо.

Его движения были чрезвычайно нежными и осторожными. Он сдержал свое слово — вскоре боль ушла, утонув в восхитительном водовороте чувственного наслаждения, я стала страстно отвечать на его движения, инстинктивно подстраиваясь под ритм его толчков, Тьерри забыл об осторожности и стал с силой входить снова и снова, горячо шепча на ухо:

— Да, вот так, двигайся вместе со мной... Обними меня...

Пылкие слова возбуждали так же сильно, как и его губы, перебегающие от мочек ушей к губам, шее, груди. Даже не подозревала раньше о существовании плотского удовольствия, которое может неожиданно стать таким сильным и причинить невыносимо сладкую боль. Волна ощущений продолжала нарастать, и я оказалась на вершине удовольствия, которое через мгновение взорвалось ослепительной вспышкой. Вскрикнула и впила ногтями в спину Тьерри...

Скоро я почувствовала его напряжение, от которого все мышцы его тела натянулись словно струна, через секунду он взорвался во мне и с громким рычанием уткнулся в шею, поглаживая спину по которой еще пробегала дрожь. Волна наслаждения накрыла нас обоих, заставив еще теснее вжаться друг в друга и почувствовать себя единым целым. Прижатая к его телу, я хрипло прошептала, всей душой надеясь, что это правда:

— Мой! Только мой!

Перекатившись на спину, он положил меня сверху и, удерживая, ласково поглаживал, а я довольно прижалась к нему, расслабленно ощущая себя маленьким котенком. Я получила удовлетворение еще и от сознания того, что мое тело могло дать ему такое же большое наслаждение, какое испытала сама. Постепенно мы успокаивались, продолжая обнимать меня одной рукой, он привстал, поднял лежавшее у ног на кровати покрывало и накрыл нас.

Даже утомленная после пережитого, я готова была мурлыкать от удовольствия, которое дарил его руки моей напряженной спине. Я растеклась по нему лужицей и лежала, наслаждаясь, слушая, как сильно и мощно бьется его сердце. Я надеюсь, в нем найдется

место для меня. Потому что мое сердце теперь полностью принадлежит ему. Подняв голову, я спросила, нежно погладив его лицо с правой стороны, где были особо сильные повреждения:

— Расскажи, как это произошло, пожалуйста.

Чуть поднявшись на подушке, чтобы было удобнее смотреть на меня, крепче прижал к себе одной рукой, а второй — продолжал легкий массаж. От его телодвижений я опять чуть не заурчала, чувствуя своей кожей каждую мышцу, каждый волосок на его теле.

— Хочешь услышать мою исповедь, маленькая! Ну что ж, это небольшая плата за то, что ты подарила мне взамен.

Подтянув еще повыше, снова уткнулся носом мне в волосы и глухим голосом начал свой рассказ:

— Мой отец, внешней копией которого я являюсь и ношу его имя, дико ревновал мою мать, Луизу Морруа, но к его чести можно сказать, что страдал от ревности обоснованно. Она никогда не хранила отцу верность. Когда мне исполнилось двенадцать, мать завела интрижку с одним из членов совета — Фабиусом Де Лавернье. Мой отец в то время возглавлял совет, и Фабиус уже пару раз пытался занять его место честным образом, вызывая на дуэль, но оба раза терпел тяжелое поражение. И вот он, наконец, придумал более легкий путь, чтобы добраться до вождя власти. Очаровал мою мать. Хотя на это у него ушло не так много времени и сил. Он был очень осторожным и методичным в осуществлении своего плана, надо отметить, что он хорошо постарался, потому что вскоре моя мать от любви к нему, сжигаемая страстью, окончательно потеряла голову, желая заполучить его в свою постель. Он без труда уговорил ее убить своего мужа, обещая навеки связать свою судьбу с ней и сделать меня своим наследником. Если ты еще не знаешь, то мужчина-вер может получить потомство только от своей пары, хотя с рождаемостью у нас становится все хуже и хуже. И моя глупая, ветреная мать согласилась на это преступление не только против своего мужа, но и против отца своего сына. Во время сна отправила на божий суд: отсекала ему голову, предварительно утомив любовным марафоном, Утром, вся в крови, она пыталась объяснить все мне. Сейчас мне кажется, что после того, что совершила, она немного повредила рассудком, потому что говорила тогда со мной сбивчиво, все время срываясь в истерику, а потом приказала охране впустить Де Лавернье. Его клан, вероломно проникнув в замок, уничтожил многих наших воинов, не ожидавших нападения и не знавших в тот момент о гибели своего главы. Мой ад начался именно в тот момент, хотя я думал, что попал в ад, узнав об убийстве отца. Первым делом меня посадили в клетку во дворе замка. На возмущенные вопли моей матери, вероломный любовник отреагировал тем, что отдал ее своим телохранителям на забаву. На следующий день ее привязали к столбу, и она наблюдала, как во двор замка въезжала истинная пара Фабиуса — Кассандра Де Лавернье. Она лично подожгла хворост, разложенный у столба, к которому была привязана моя мать. К ней же в костер бросили расчлененное тело моего отца. Так сказать, для компании. Предварительно поведав, что вся эта идея принадлежит Кассандре. После убийства матери эта парочка принялась за меня. Они развлекались со мной три дня с перерывами на еду и отдых. После их посещений на моем теле все меньше оставалось целой кожи. Они секли меня металлическими прутами, концы которых были закованы в серебро. На время экзекуция вытаскивали из клетки и одевали серебряный ошейник. В конце третьего дня кровавые забавы так возбудили их, что меня оставили в ошейнике на ночь во дворе, а сами удалились в спальню. Мне удалось руками сломать ошейник и сбежать из замка. В таком

жутком состоянии меня подобрал Рэнулф Макгрант, со своим отрядом возвращавшийся из очередного путешествия, проезжая по территории Франции. Он вылечил меня и помог стать взрослым мужчиной, способным за себя постоять. Я достиг тридцатилетия, когда Рэнулф встретил свою Мэйдию и покинул их. Тогда я ненавидел всех женщин — хороших и плохих — не мог простить им поступка своей матери, вероломства и жестокости Кассандры. Мне потребовалось еще двадцать лет, чтобы собрать оставшихся в живых Морруа и возродить клан, возглавив его. В пятьдесят я вернул наш родовой замок, уничтожив Кассандру Де Лавернье тем же способом, каким она со своей парой убила моих родителей. Но, к сожалению, эта тварь, Фабиус, успел сбежать благодаря паре своих телохранителей. Крыса так хорошо схоронилась в этот раз, что мне потребовалось более пятисот лет, чтобы, наконец, найти его. Прощлые два раза он сбежал, как только слышал о моих бойцах в пределах его территорий. Много столетий я чувствовал, что внутри у меня растет кусок льда, замораживая не только сердце, но и душу. Сплошной холод и ненависть — вот, что я чувствовал на протяжении тысячи лет своего существования. Только месть вносила хоть какой-то смысл в мою жизнь, пока два месяца назад, выйдя из лифта собственного отеля, я не почувствовал твой запах. Теплый аромат нежности и женственной мягкости, который копьем пробил мою ледяную душу, оставив зияющую дыру, наполнившуюся болью и тоской по, казалось, несбыточному. Два месяца поисков и, наконец, ты со мной в самолете. Такая маленькая, уязвимая и настолько красивая, что я не мог оторваться, глядя на тебя, прикасаясь к тебе, пока ты спала, лаская такую теплую нежную кожу и шелковистые черные, словно вороново крыло, волосы, так похожие на мои. А ты проснулась напуганная и ершистая, словно маленький котенок. Ты боялась нас, и я хотел дать тебе время привыкнуть. Знаешь, меня больше всего удивило, что ты опасалась остальных больше меня: доверчиво хваталась за мои изуродованные руки и в испуге прижималась. Я испытывал непереносимую боль, не смея прикасаться к тебе, чувствуя твое тепло и мягкость, и одновременно страх передо мной. Поверь, мой маленький волчонок, я лучше перегрызу себе глотку, чем причиню тебе вред. Я никогда в жизни не представлял свою будущую подругу, но когда получил тебя, возблагодарил небеса за такой подарок. Твоя невинность еще больше растопила мою душу. Я обещаю, что всегда буду беречь тебя и никому не дам в обиду.

Зарывшись руками в волосы, он приподнял мою голову и начал нежно целовать губы и мокрые от слез щеки. От этой ласки я совсем расклеилась и разрыдалась, уткнувшись ему в шею, и обняв руками.

— Ну что ты, малышка, не плачь. Я сделал все не так, я все исправлю!

Я еще крепче вжалась в него и замотала головой, пытаюсь успокоиться. Рыдания перешли во всхлипывания, а потом закончились икотой, сквозь которую я пыталась объяснить ему, как мне жаль того двенадцатилетнего мальчика, которому пришлось перенести столько страданий. Потом еще с полчаса я божилась и клялась, что всегда буду рядом и никогда не брошу, и не предам, и уж тем более не изменю, потому что мне нужен только он. И вообще, я честная и порядочная жена, а не какая-то там! А если он сможет меня полюбить, то вообще попаду в рай на земле. И меня, наконец, успокоили таким восхитительным образом, что я растворилась в эйфории потрясающей физической близости, забыв обо всем, кроме испытанного наслаждения, разделенного с этим необыкновенным мужчиной. Потом, придя в себя, я тоже рассказала свою историю жизни, причем в конце благополучно уснула прямо на нем на середине слова.

Как приятно просыпаться рядом с ним. Со своим мужчиной. В первое наше совместное утро меня не выпустили из кровати. И вот на второе утро я выскользнула и тихонько ушла в свою комнату, стараясь не разбудить Тьерри. Приняв душ и обмотавшись полотенцем, я стояла перед зеркалом и, собрав волосы в высокий хвост, заплетала косу. Обернувшись, вздрогнув от звука резко открывшейся двери — в комнату вошел Тьерри. Увидев меня, он перестал хмуриться и плавной походкой хищника двинулся ко мне. В зеркало наблюдая за происходящим, счастливо улыбаясь, продолжила заплетать волосы. Он сел на пуфик позади меня и, придвинувшись вплотную, с довольным видом развязал полотенце и, лизнув голую шею, начал спускаться вдоль позвоночника, прокладывая дорожку из поцелуев. К лопаткам я уже дрожала от желания. Когда его руки легли на грудь, забыла, зачем вообще покинула постель.

Мы обедали в столовой замка, и я не могла оторвать своего взгляда от Тьерри. Я наслаждалась его телом, восхищалась умом, теряла голову, глядя ему в глаза, он за такое короткое время стал для меня всем. Я боялась, вдруг все это исчезнет, и в то же время ликовала от радости, осознав, что не пустая и холодная, нет, я полна чувствами, сердце и душа пылают от любви. Он посмотрел на меня, отвернувшись от усмехающегося и наблюдающего за нами Поля, и от его взгляда любовь, словно цунами, смыла последние преграды и... пол зашатался у меня под ногами. Вот что значит безгранично любить.

В следующую секунду мужчины кинулись ко мне, причем Поль перелетел стол, словно мячик для пинг-понга. Тьерри упал со мной на пол, обернув своим телом словно коконом, а рядом распластался Поль, прикрывая нас обоих. Только в этот момент я услышала отзвуки взрыва, грохот падающих камней, обрушивающихся стен, перемешанный с криками людей. Мне с трудом удавалось дышать из-за тяжести тела Тьерри, но чувствовать его тяжелые вздрагивания, когда очередной острый кусок или обломок ранили его тело, было совсем непереносимо. Я почувствовала, как мне в руку вонзился острый осколок, и в ладонь потекла теплая кровь, стало больно и жутко от того, что его боль чудовищна по сравнению с моей. Мне показалось, что все это длилось целую вечность, оказалось — не больше двух-трех минут. После чего вокруг остались развалины, клубы пыли и дыма. Прокашлявшись, осторожно вылезла из-под обездвиженного Тьерри и, взглянув на него, оцепенела от ужаса. В нескольких местах из спины, ног и рук торчали немелкие осколки, а рядом с ним и Полем, который выглядел и пребывал в не лучшем состоянии, валялись большие окровавленные камни. Порез у меня на руке уже перестал кровоточить, медленно затягиваясь. Поэтому, не обращая на него внимания, я методично и очень осторожно вытаскивала все осколки из Тьерри и Поля, оторвав рукав платья и вывернув его наизнанку, вытерла кровь с их лиц. А потом в напряженном ожидании сидела рядом с ними, трясясь от ужаса, что они не придут в себя. Первым очнулся Тьерри. Приподнялся, встряхнув головой и поведя плечами, не отрывая от меня излучающего тревогу взгляда, спросил:

— Любимая, с тобой все в порядке, ты не пострадала?

Жив! Внутри что-то отпустило, и я заплакала, а потом, стараясь не задеть поврежденные участки, осторожно обняла, прижавшись всем телом, и только сейчас почувствовала, как уходит ужас, оставляя в душе липкий страх от того, что я могла его потерять.

— Я так испугалась. У тебя было столько повреждений, я боялась, что ты не сможешь восстановиться от таких жутких ран. Боже, я боялась потерять тебя. Я так сильно люблю тебя, что просто не переживу, если потеряю тебя. Обещай, что никогда не покинешь меня. Просто обещай, и я поверю тебе. Я поверю всему, что ты скажешь. Даже если ты скажешь, что для меня будет лучше умереть. Ты слышишь меня! Я безгранично люблю тебя. Не хочу и не могу расстаться с тобой. Никогда. Никогда. — выдохнула, вздрагивая от пережитого.

Он осторожно обнял меня, прижавшись к щеке, потом целовал лицо и хриплым от еле сдерживаемых эмоций голосом шептал:

— Моя девочка! Только моя! Любил и буду любить только тебя одну. Никому не отдам, никогда не отпущу и всегда буду рядом, обещаю. Клянусь, что принадлежу только тебе и всегда принадлежал только тебе, маленькая моя. Любимая!

Пришедший в себя Поль молча сидел и во все глаза наблюдал за нами. Потом, кашлянув, смущенно пробормотал:

— Похоже, Де Лавернье сделал свой ход первым, я думаю, надо валить отсюда. Она слишком уязвима, и надо спрятать ее получше, чтобы случайно не задела.

Встал и, замолчав, серьезно смотрел на Тьерри. Любимый, подняв меня на руки и прижав к груди, двинулся отсюда, согласившись с ним, и тут мы увидели спешащих к нам веров из клана Морруа. Оказалось, взорвали только часть замка и пострадали в основном столовая и спальная часть строения. Погибли трое слуг-людей, веры почти все уже восстановились. Окружив плотной живой стеной телохранителей, меня в срочном порядке тайком вывезли из замка. Через несколько часов мы были в Альпах в частной резиденции Морруа.

Неделя отдыха в Альпах привела меня в порядок. Но все равно, как только теряла Тьерри из виду больше чем на полчаса, начинала терзаться от тревоги, приходя в панику. Я стала его тенью, все время прикасаясь к нему и обнимая, терлась словно кошка, пытаюсь оставить на себе как можно больше запаха, который благотворным образом влиял на меня, успокаивая. Хотя и он вел себя не лучшим образом, с самым довольным видом принимая мои ласки и хмурясь, если я отходила от него по другим делам. За эту неделю мы еще больше сблизились, все время узнавая о друг друге новое. Как и Изабель, Тьерри умел рассказывать, и я этим беззастенчиво пользовалась, заставляя развлекать рассказами о его жизни и приключениях. Я думаю, можно посчитать на пальцах одной руки тех, кто знает историю лучше или в таком же объеме, что и Тьерри. Мы устраивали с нашими спутниками посиделки и за кружкой чего-нибудь горяченького, причем веры пили алкоголь, а я только чай и глинтвейн, они вспоминали старые времена и общие переделки, смеялись и споря о мелочах и героических поступках. Это была незабываемая неделя, полная радости и сказок.

— Не хочешь размяться, любимая? Хочу показать тебе место, которое называется "Хребет несбывшихся надежд". Грустное название, но весьма красивые виды, — Тьерри стоял в дверях с хитрой предвкушающей улыбкой.

— Что, опять всей толпой гулять пойдем? Моя Милка очень хочет подружиться с твоим волчонок, — я также предвкушающее посмотрела на него.

Он показательно нахмурился и довольно прорычал:

— Детка, это ты у нас волчонок. Такой маленький, игривый, но очень любимый и ласковый волчонок. И если этот волчонок хочет подружиться с моим волчищем, то с нами сегодня никто не пойдет. Подождут внизу.

Быстро переодевшись в халат, бросилась на выход под хохот следующего за мной

Тьерри.

Мы стояли наверху, забравшись на большой камень на вершине хребта. Я, раскинув руки, ловила холодный ветер обнаженной, разгоряченной сексом кожей, наслаждаясь каждой секундой, проведенной с Тьерри на этой вершине. Внезапно он, подхватив меня подмышки, спрыгнул с камня и напряженно замер, вслушиваясь в шепот ветра.

— У нас непрощенные гости, но я их слишком долго искал. Как только будет возможность, беги к нашим. Не волнуйся, я со всем справлюсь, но без тебя.

Он внимательно посмотрел на меня, а потом, коротко чмокнув в губы, прошел трансформацию. Я решила не демонстрировать всем свой голый зад и перекинулась, встав за спиной у Тьерри. Через минуту на маленьком плато появились они. Четверо огромных серых волков с оскаленными ухмыляющимися мордами. Первый из них в зубах держал холщовый рюкзак, который тут же отбросил в сторону, как только увидел нас. Долгого разговора, как показывают в фильмах, не было, они напали сразу и всем скопом. Тьерри, немного опередив, встретил их на полпути, раскидав в разные стороны. Более прытким досталось первым. Один, лишившись головы, задержался в судорогах, второй — с развороченным боком отскочил в сторону, зализывая рану, не отрываясь, глядя на Тьерри.

Я поскуливала, прижимаясь к камню, и тоже не могла оторвать глаз от разыгрывающейся передо мной трагедии и моля бога, чтобы Тьерри справился. Тройка оставшихся волков, начала кружить вокруг него, рывками выхватывая от него по кусочку. Тьерри истекал кровью, когда они вновь гурьбой бросились в атаку. Одного он подмял под себя, а второго рвал клыками, но вот третий оказался сбоку от него и вцепился в шею. Я не выдержала и молча кинулась на него, вплотную подскочив к ним и вцепившись в его глотку, заставляя ослабить хватку на горле Тьерри. Мне было все равно, что он со мной после этого сделает, главное — отвлечь его на себя и дать Морруа свободу действий.

Словно питбуль, мертвой хваткой вцепилась ему в горло и, осторожно перебирая челюстями, подбиралась к гортани. Я находилась в таком неудобном для своего врага положении, что он с трудом доставал меня лапой, причиняя легкие повреждения. Наконец, я добралась до вожака и, собрав все силы и упершись всеми четырьмя лапами, с силой рванула на себя, заламывая его голову вверх. У меня получилось почти оторвать ему голову, и он мертвой грудой свалился у моих лап, заливая пространство вокруг багряной лужей и распространяя отвратительный аромат волчьей крови. Несколько секунд я в шоке смотрела на то, что сделала, а потом подняла глаза, в поисках развязки драки. Тьерри-волк стоял на двух обезглавленных трупах своих врагов и пристально наблюдал за мной. Чуть пошатываясь от обильной кровопотери, сделал неуверенный шаг ко мне, а я, подвывая, подползла к нему и начала зализывать его раны, лежа у него в ногах. Он, опустив лобастую голову, благодарно лизнул в ухо.

Сначала меня встревожил тихий щелчок, услышав который, Тьерри поднял голову и прыгнул вперед, заслонив меня собой. Потом раздался громкий выстрел. Хрип. Тягостное молчание. Словно в замедленной съемке обернулась и увидела картину, от которой замутило. Там, где я оставила загрызенного волка, лежало обезглавленное тело голого мужчины, его голова валялась в нескольких метрах в стороне. Возле истекающего кровью тела мужчины лежал на боку Тьерри-волк без признаков жизни. Медленно, словно в тумане, я подошла к нему и обнаружила кровоточащую дырку в груди и такое же отверстие с обожженными краями на спине. Сознание на грани подсказало, что пуля была серебряная и, судя по всему, попала в сердце. Приложив голову к груди, я не услышала ничего. Родное

сердце не билось. Я ждала еще минуту, пока на плато не выскочили другие волки. Не могла думать больше ни о чем, не слыша знакомое сильное биение его сердца. Ощетинившись, я бросилась наперерез подступающим волкам. Бросаясь на них, я все ждала, что вот сейчас, вот сейчас, вот сейчас он встанет и поможет мне. А он все лежал и невидящими, немигающими глазами смотрел в никуда. Последний раз рыкнув на остановившихся в стороне волков, я подошла к Тьерри и улеглась рядом, положив морду ему на лапы. Закрывает глаза, я решила умереть рядом с ним, теряя сознание.

Очнулась в нашем альпийском шале. Мутным взглядом обвела спальню, вспоминая трагические события. А главное, увидела нетронутую половину кровати, на которой обычно спал Тьерри. Села, свесив ноги, и заметила, что одета в черную шелковую пижаму. Тупо глядя в пол, наконец, осознала причину отсутствия рядом со мной Тьерри и то, что я осталась ОДНА. И то, что я ЖИВА! Да, действительно "Хребет несбывшихся надежд". Мало того, что надеялась на счастье с любимым, — забрали, так еще и умереть спокойно не дали.

Я встала и, подняв голову, уперлась взглядом в зеркало. Маленькое растрепанное привидение с дикими серыми глазами, напоминающими озера, наполненные отчаяньем, горем и безысходностью. Почему все, кого я люблю, погибают и оставляют меня одну. Он обещал не покидать меня и не оставлять меня одну. Он же не мог обмануть!!! НЕ МОГ! Я осела на пол и завывала. Выплескивая все свое горе, сидела, обняв себя руками и раскачиваясь из стороны в сторону, и громко выла, выплескивая всю боль своей души. Не обратила внимания на шум и возню в дверях, очнувшись только когда почувствовала, что меня крепко прижали к себе родные, любимые руки, укачивая словно ребенка, и чудесный голос Тьерри зашептал успокаивающие слова. Не веря в чудо, смотрела в самые красивые и дорогие глаза на всем свете и не могла наглядеться, насладиться их светом.

— Я думала, ты умер, а я не хотела жить без тебя, хотела умереть там, рядом с тобой. Я ждала, ждала, а оно все не работало и не работало. Я думала, ты ушел без меня.

— Нет, маленькая, я же обещал тебе, любимая моя, никогда не покидать тебя и всегда быть рядом. Можешь спросить кого угодно, что я всегда держу свое слово. Тем более, солнышко мое, в этом возрасте меня практически невозможно убить, тем более, серебром. Просто нужно было чуть больше времени на восстановление. Я забралась к нему на колени и, крепко обняв, прижалась. Казалось, если я сейчас его отпущу, он исчезнет, и я снова его потеряю. Так мы и ходили в обнимку следующие сутки, пока к нам не приехал Жак и не привез свою подругу. Обед прервал Поль, который быстрым шагом зашел в столовую и сообщил:

— Приехал Жак! Он уже знает, что вы убили Фабиуса Де Лавернье, причем вдвоем, и ему по телефону рассказал, но у него другая проблема. В поместье Фабиуса он нашел свою половину. Фабиус держал ее при себе и издевался над ней несколько лет. Она выглядит словно сломанная красивая игрушка, — взглянув на меня, сидящую на коленях у Тьерри, договорил, — и так же как и ты, Милана, не слезает с рук. Он надеется, что ты поможешь ей прийти в себя. И еще, знаешь, монсир, он ведет себя по отношению к другим самцам еще хуже, чем ты. Все время рычит и огрызается, а я был твердо уверен, что хуже тебя не бывает. Надеюсь, со мной подобного не случится и, когда я встречу свою половину, моя крыша останется на месте.

Раздавшийся звонок от Изабель застал меня в момент выковыривания изо рта кусков шерсти Терандет, приглашенной на званной вечер дочери главы соседнего клана.

— Привет, Изабель, — прорычала я, отчаянно отплеываясь.

— Привет, Мила. Это ты меня так рада слышать, что даже в трубку плюешься? — недоуменный голос подруги привел в чувство.

— Нет, конечно, это я тут одной лохудре, охочей до чужого добра, прическу подправила. Вот теперь не могу от ее шерсти никак избавиться. Такая же приставучая и мерзкая, как и ее хозяйка.

Несколько мгновений молчания, потом Изабель недоверчиво спросила:

— Милана, я правильно тебя поняла, ты только что подралась с другой волчицей из-за собственного мужа?

Ее удивление снова вывело меня из себя:

— А что, мне надо было терпеливо смотреть, как эта сучка целый час протирала дырку глазами в Тьерри, а потом вообще повисла на нем и попыталась залезть к нему в штаны. Ты МОЖЕШЬ себе это представить! В штаны к моему мужу! И ее единственным оправданием было, что она, видите ли, не знала, что он моя пара. Ага, не знала она!

— Детка, ты забыла, что у мужчины в паре стоит только на его подругу. — Изабель снова спросила, но в голосе слышался смех.

Немного успокоившись, я раздраженно ответила:

— Знаешь, Изабель, я не собираюсь проверять, стоит у него на других или не стоит. Никто не смеет трогать моего мужчину. Он — моя собственность! — злость улетучилась, как только я услышала хохот подруги.

— Милана, ты первая в истории веров ревнивая волчица. Обычно этим страдают только самцы, ведь у них выбора нет, в отличие от нас. Наверное, потому что в тебе человеческого много. Ты мне скажи, чем там сейчас Тьерри занят?

Повернув голову в сторону ухмыляющегося мужа, окинула его недовольным взглядом и прорычала в трубку:

— Чем занят? Пытается не лопнуть от гордости и самодовольства, в то время как его законная супруга пострадала в попытке защитить свою собственность.

Тьерри напрягся, довольная улыбка вмиг слетела с лица. Их с Изабель гневный рык раздался в унисон:

— Как?

— Я лично сдеру с нее шкуру, если ты пострадала, любимая! — глухо прорычал, подойдя вплотную.

А вот это уже ни к чему, и примирительно, но с ехидной усмешкой, жалобно прошептала:

— Меня за задницу, знаешь, как тянули, так что придется кому-толизать больное место... — ощутив короткий полет и уткнувшись взглядом в пол, зависнув вниз головой на его плече, счастливо проговорила хохочущей в трубке Изабель, — Меня тут срочно лечить в постель несут, я тебе через пару часов перезвоню, — услышав недовольный рык Тьерри поправила, — хорошо, через три часа, — получив увесистый шлепок по пятой точке, с тяжелым вздохом закончила, — извини, Изабель, я тебе завтра позвоню. Может быть!

Два года спустя

Рэнулф с Ником сидели в придорожном кафе тexasской глубинки и наслаждались долгожданной прохладой и колой со льдом. Раздавшийся звонок от Миланы Морруа немного разбавил тоскливую монотонность последних дней. Ник, нажав кнопку телефона, с удовольствием произнес:

— Привет, малышка, как дела? — с другой стороны планеты ответил радостный оживляющий душу женский голос.

— Привет, Ник. У нас все хорошо! Вы чем там занимаетесь?

Вслед за вопросом Ник услышал шумную возню, потом резкий недовольный детский крик, за которым, раздался и второй — не менее громкий. Потом, судя по звуку, на пол упала трубка и раздался смеющийся мужской бас, который принадлежал мужу Миланы, Тьерри. Тот пытался увести двух дочерей-близнецов подальше от мамы, чтобы она смогла продолжить разговор. Еще пару минут Ник слушал веселую возню и перебранку семейства Морруа, а потом, наконец, вернулся голос Миланы:

— Прости, Николас, им всего год, а они уже успели поставить на уши весь замок и всех Морруа, я думаю. У меня тут столько советчиков развелось, как воспитывать настоящих Морруа, что я скоро мистера Спока переплуну. А Тьерри похудел килограмм на десять, пытаюсь уследить за всем своим курятником. Это, кстати, Жак, зараза, меня с дочками обозвал. А сам на свою Маризу дышать боится. Знаешь, у него такой загадочный вид, наверное, скоро свой курятник появится. Так, теперь вернемся к вашим делам. Вы где сейчас находитесь?

Ник, пересмеиваясь вместе со все слышавшим Рэнулфом, ответил.

— Мы в кафе заехали перекусить и остыть немного, а то уже на хорошо прожаренный бифштекс походим. Жара жуткая! Но когда ты позвонила, собирались уходить уже.

— Нет, Николас, вы должны остаться, я чувствую, что вы очень близко от них. У меня внутри даже горит все, — категорично заявила Милана. — Поэтому и позвонила. Сидите там и ждите.

— Ты хочешь сказать, что мы найдем их сегодня? Здесь? — недоверчиво переспросил Ник, глядя на в миг подобравшегося Рэнулфа.

Оба оглядели маленькую непрезентабельную закусную, пыльную дорогу, по которой изредка проносились машины, и старую бензоколонку, в тени которой они оставили два своих "харлея", чтобы не нагревались под палящим солнцем.

— Хорошо, маленькая, если ты хочешь, мы тут еще посидим, кофе попьем. — заверил Николас.

Снова раздался детский крик, сюсюкающие мужские голоса, а потом Милана устало ответила:

— Ладно, потом перезвоню, а то тут мой детский сад никак не угомонится во главе со своим папашей.

Ник недоуменно уставился на замолчавший телефон, а потом на смеющегося Рэнулфа, который не замедлил озвучить свою мысль:

— Вот кто бы мог подумать, что самый страшный и жестокий вер станет таким подкаблучником и образцовым отцом, как Тьерри Морруа.

Они с Ником расхохотались, и в этот момент на бензоколонку въехал старый, обшарпанный пикап, из которого устало вылезла молодая красивая шатенка с фигурой, напоминающей песочные часы, от которой у любого нормального мужчины сразу текут слюни. Вслед за ней из машины появилась совсем молоденькая, худенькая, не старше шестнадцати лет, девушка и обреченно, с тоской посмотрела на уходящую вдаль дорогу, а потом на двери закусочной.

Старшая достала деньги из кармана тесных джинсов и пересчитала наличность. Оплатила бензин и после того, как они заправили пикап, направились в закусочную. Едва они вошли, оба мужчины как по команде вдохнули легкий пьянящий аромат чуть вспотевших женщин и жадно разглядывали двух спутниц, еще не совсем поверив в случившееся. Девушки устало сели в самый дальний угол и начали тихо переговариваться, изучая меню. Оба оборотня, обладая нечеловеческим слухом, без труда слышали весь разговор. Старшая пыталась убедить младшую, что она вполне потерпит без еды и обойдется чашкой сладкого чая. В то время как младшая нуждается в еде, потому что ее объединение унесло все силы, и она на пределе. Рэнулф, больше не раздумывая, подошел к стойке и, заказав кучу еды для голодных незнакомок, направился с Ником к ним. Девушки, увидев незнакомых мужчин, почувствовав себе подобных, сжались и затравленно смотрели, пытаясь найти безопасный выход из сложившейся ситуации. Перекрыв им путь к бегству, мужчины, сев каждый возле своей женщины, вздохнули, наконец, с облегчением. Их поиски закончились! Каждый из них решит все проблемы своей пары. Главное, что они все-таки встретили их после двухлетних, изматывающих душу поисков, обретя долгожданное счастье.

Конец.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net